
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ*

СОДЕРЖАНИЕ

**Часть 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ.**

**Часть 2. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ДРУГИЕ
ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ.**

**Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО
И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ.**

**Раздел первый. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРИЗНАКИ
РАННЕГО ГОСУДАРСТВА.**

**Подраздел 1. Анализ некоторых взглядов на специфику
раннего государства.**

- 1. Раннее государство и его аналоги.**
- 2. Отличия раннего государства от обществ догосударственной стадии.**
- 3. Классическая триада и раннее государство.**
  - 3. 1. Триада признаков.**
  - 3. 2. Некоторые трудности приложения триады к раннему государству.**

---

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 2001. № 4; 2002. № 2.

- 3. 3. Раннее и сформировавшееся государство.
- 4. «Государственники» и «альтернативники».
- 4. 1. Государственники.
- 4. 2. Альтернативники.

Подраздел 2. Анализ признаков раннего государства.

- 1. Объяснение методики сравнения раннего государства и его аналогов.
- 2. Общая характеристика специфических признаков раннего государства.
- 3. Особые свойства верховной власти.
  - 3. 1. О некоторых важных терминах.
  - 3. 2. Достаточная сила верховной власти.
  - 3. 3. Способность к переменам.
  - 3. 4. Полнота функций верховной власти.
  - 3. 5. Независимость источников дохода верховной власти.
  - 3. 6. Идеология «государственности» и «централизации».
- 4. Новые принципы управления.
  - 4. 1. Делегирование власти и делимость власти.
  - 4. 2. Отделение выполнения функций от носителя функций.
  - 4. 3. Начало формирования особого аппарата управления.
    - 4. 3. 1. Новые черты системы управления в раннем государстве.
    - 4. 3. 2. Изменения в составе управленцев.
- 5. Новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества.
  - 5. 1. Традиционные и нетрадиционные формы регулирования жизни общества.
  - 5. 2. Нетрадиционные и новые формы регулирования.
  - 5. 3. Традиция и государство. Традиция и реформирование.
  - 5. 4. Рост значения принуждения.
  - 5. 5. Наиболее важные направления изменений.
- 6. Редистрибуция власти.
  - 6. 1. Понятие редистрибуции власти.
  - 6. 2. Редистрибуция благ и редистрибуция власти.
  - 6. 3. Редистрибуция власти и распад государств.
  - 6. 4. Направления редистрибуции власти.

Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Раздел первый. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРИЗНАКИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА

Подраздел 1. АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СПЕЦИФИКУ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА

1. Раннее государство и его аналоги

В течение этой работы мы постоянно возвращались к идее, что раннее государство не являлось единственной формой политической организации усложнившихся постпервобытных обществ. Были и иные типы политий. Причем длительное время они составляли достаточную альтернативу раннему государству. Такие общества я называл **аналогами раннего государства**. В целом они выполняли те же функции, что и ранние государства, а именно:

- создание минимального политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач;
- обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии;
- обеспечение социального порядка и перераспределения прибавочного продукта в условиях социальной стратификации и усложнившихся задач;
- обеспечение минимального уровня управления обществом, включая законотворчество и суд, а также выполнение населением необходимых повинностей (военной, имущественной, трудовой);
- создание условий для воспроизводства хозяйства (особенно там, где требовалась координация общих усилий).

Таким образом, сходств между ранними государствами и их аналогами немало. Вот почему многие из аналогов оказались способными стать государством. «Химический состав» ранних государств и их аналогов во многом похож, но пропорции и комбинации составных частей различны. То, что есть в аналогах, не чуждо и раннему государству,

только у него существенно больше новых моментов. Все это и давало мне основание считать ранние государства и их аналоги политиями, находящимися на одной стадии политогенеза – раннегосударственной – но отличающимися некоторыми особенностями устройства и «техникой» управления, что оказалось, в конце концов, эволюционно очень важным. Эти отличия далее подробно описаны мной.

2. Отличия раннего государства от обществ догосударственной стадии

Отличия политий раннегосударственной стадии (как ранних государств, так и их аналогов) от обществ догосударственной стадии были достаточно подробно рассмотрены мной во второй части¹. Однако стоит их повторить, только несколько в иных формулировках.

1. Изменение производственной базы (сельское хозяйство становится интенсивным), увеличение размеров территории и численности населения.

2. Возрастание сложности общества, а также числа уровней сложности его организации и управления в нем.

3. Существенное изменение традиций и институтов, связанных с регулированием социально-политической жизни.

4. Деление общества на два или более слоя, различающихся по правам и обязанностям. Увеличение степени материальной независимости высшего слоя от низшего; изменение взаимоотношений элиты и населения (в плане роста неэквивалентности обмена «услугами»).

5. Появление идеологии, оправдывающей и легитимизирующей социально-политические изменения в обществе.

Все эти отличия достаточно очевидны, а такие, как в п. 1, 2 и даже 4, могут быть выражены и в цифрах.

Поскольку раннее государство является одной из форм политий раннегосударственной стадии, само собой, что указанные признаки отличают и его от догосударственных

---

¹ См.: Гринин Л. Е. Генезис государства ... Часть 2. С. 28–30.

политий. Но только как одну из форм более высокой стадии политогенеза от форм более низкой стадии. Поэтому, вопреки тому, что нередко пишут исследователи, ни степень сложности, ни размеры и населенность, ни деление на два (или более) слоя, ни требование к населению выполнять повинности **не будут эксклюзивным отличительным признаком раннего государства от догосударственных образований**². Эти признаки встречаются и в аналогах ранних государств.

Следовательно, если считать (что очень распространено) и простые примитивные, и сложные, во многом не уступающие раннему государству, политии одинаково догосударственными, если не разделить их на действительно догосударственные и аналоговые раннему государству, выявить специфику последнего оказывается невозможно. И в самом деле, как это сделать, если у «догосударственных» образований встречаются те же признаки, что и у государства?

Возьмем для примера критерии раннего государства, приводимые Классеном³.

1. Достаточная численность населения, позволяющая создать в обществе стратификацию и специализацию.

2. Подданство (гражданство) в государствах определяется по месту жительства или рождению на этой территории.

3. Управление централизовано, и правительство имеет необходимую силу для поддержки законов и порядка путем использования как авторитета, так и силы.

4. Государство независимо, а правительство имеет достаточно силы, чтобы противодействовать сепаратизму или защитить страну от внешней угрозы.

---

² Как, впрочем, и некоторые более специальные характеристики, например наличие городов (Adams R. The Evolution of Urban Society...См. критику этого: Service E. R. Origins of the State...; Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural...); пространственная интеграция поселений (см.: Lozny L. The Transition to statehood...P. 90); наличие ритуальных центров с густой концентрацией сооружений (см. критику этого Schaedel R. The temporal variants of proto-state societies. P. 51) и т. п.

³ Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural Approach. P. 586–588.

5. Достаточная степень стратификации для возникновения зримо различаемых социальных классов (управляемых и управляющих).

6. Достаточная продуктивность хозяйства обеспечивает регулярный прибавочный продукт, который идет на содержание государственной организации.

7. Общественная идеология, которая обеспечивает легитимность правящего слоя.

Пункты 1, 5, 6, 7, как мы видели во второй части настоящей работы, без сомнения, присутствуют и во многих аналогах, а некоторые из них могут не иметь место и в ранних государствах. Например, п. 6 в грабительских государствах. Пункт 4 также вполне относится к аналогам, многие из которых достаточно долговечны и способны отстаивать свою суверенность и независимость. Возьмите тех же ирокезов.

Пункт 2, как увидим далее, не универсален для ранних государств (например африканских), где роль родовых связей была исключительно большой. В то же время место жительства могло играть важную роль в некоторых аналогах⁴. Наиболее характерен именно для ранних государств, чем аналогов, пункт 3. Но не все ранние государства были централизованы⁵.

Таким образом, по вышеприведенным признакам затруднительно выявить, в чем, собственно, специфика ранней государственности по сравнению с негосударственными политиями с большим населением, прибавочным продуктом, стратификацией⁶. Поэтому я считаю, что для различения ранних государств и догосударственных и негосударственных политий; равно как и для выявления отличий раннего государства от сформировавшегося, **нужны иные**,

---

⁴ В том числе и типа донских и запорожских казаков, которых некоторые исследователи считают альтернативами государству (см.: Korotayev A. V. and others. *Alternatives of Social Evolution: introductory notes*. P. 19).

⁵ «Возможно, что сравнительно мало государств было действительно централизовано, хотя это громогласно провозглашалось их идеологами в центре», — замечает по этому поводу Э. Саутхол (Southall A. *On the Emergence of State*. P. 151).

⁶ В том числе «трудно различать вожжество и раннее государство» (Кочакова Н. Б. *Раннее государство и Африка*. С 10).

чем имеются, подходы. Но прежде чем говорить о них, стоит более основательно рассмотреть, в чем недостаток существующих подходов.

3. Классическая триада и раннее государство

3. 1. Триада признаков

Прежде всего, посмотрим, почему нельзя использовать для характеристики раннего государства признаки государства сформировавшегося. Различных признаков государственности выдвигается немало⁷. Но наиболее общепринятыми являются: 1. Замена родового деления общества на территориальное (далее: **территориальность**). 2. **Налоги**. 3. Наличие отделенной от народа особой власти в виде административного и репрессивного аппарата (далее: **госаппарат**)⁸. Эти три признака я иногда буду называть **триадой**. Стоит заметить, что сами формулировки признаков могут существенно отличаться от работы к работе, но в целом общий смысл сохраняется: государство – это аппарат принуждения и управления, состоящий из профессиональных чиновников и воинов; принудительное изъятие благ у населения в виде налогов; особое территориально-административное деление.

Попытки применить триаду для раннего государства вызывают большие сложности. И это вполне объяснимо, ибо между ранним и зрелым государствами порой такая же разница, как между ранним государством и догосударственной политией. Недаром же ряд исследователей подчеркивает, что многие ранние государства так никогда и не становятся зрелыми⁹.

---

⁷ Некоторые исследователи, вслед за М. Вебером, говорят о том, что главный признак государства – это монополия государства на легитимное применение насилия. Иные считают, что хотя эта формулировка и не совсем корректна, поскольку во многих случаях, в частности в феодальных государствах, такой монополии не было, но все же весьма полезна (см., например: Crone P. *Pre-Industrial Societies*. P. 7).

⁸ Эти признаки были сформулированы еще в XIX веке и используются как марксистами, так и неозволюционистами.

⁹ Skalnik P. *Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana*; Claessen H. J. M. and van de Velde P. *Early state dynamics*.

То, что для анализа формирующихся государств триада плохо применима, было очевидно давно. Это и послужило одной из главных причин создания особой теории раннего государства. Но у ее создателей, на мой взгляд, прослеживается внутреннее противоречие. С одной стороны, они собственно и стремились выявить специфику не государства вообще, а именно **раннего** государства. Но с другой стороны, указанная триада все же влияет на их критерии раннего государства, которые характеризуются как имеющие аппарат управления, территориальный принцип построения и налоги (или дань). И это затрудняет различение ранних и зрелых государств. И, вероятно, не случайно, как подметил Бондаренко, Классен воспользовался своим со Скальником определением раннего государства для того, чтобы дать определение государства вообще¹⁰.

Таким образом, надо более определенно отказаться от применения триады к ранним государствам, оставив ее для характеристики только сформировавшихся государств (и то с важными оговорками, о которых пойдет речь во втором разделе третьей части).

3. 2. Некоторые трудности приложения триады к раннему государству

Анализ раннего государства показывает, что, во-первых, в них часто имеется только один или два из признаков триады, во-вторых, даже те признаки, которые удается обнаружить, обычно предстают в таком неразвитом виде, который совершенно не соответствует теоретической модели.

И поскольку, по крайней мере, два из трех признаков (территориальность и налоги) могут порой встречаться и у аналогов (а их продолжают считать догосударственными политиями), дело окончательно запутывается. Все это создает большие (даже неразрешимые) трудности при опре-

---

¹⁰ Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. С. 244–245.

делении, является ли данная полития государством, ранним государством или вообще догосударственным образованием. Немало ученых считают государством только сформировавшиеся государства и поэтому отвергают или подвергают сомнению саму концепцию раннего государства. Но они оказываются непоследовательными в своей классификации, поскольку строгое применение триады приведет к тому, что из числа государств придется исключить и такие, которые правильнее считать все же государством¹¹.

Из трех признаков государства наличие аппарата нередко признается важнейшим и особенно часто упоминается¹². На этом основывается «характерное для представителей различных школ отождествление государства и государственного аппарата, администрации»¹³.

Разумеется, какой-то аппарат управления есть в любом раннем государстве. Но если ученый ожидает, что этот аппарат будет не только достаточно мощным, но и состоять из профессиональных управленцев-чиновников, получающих жалованье и являющихся «колесиком и винтиком» административной системы, его ждет разочарование.

На самом же деле аппарат в раннем государстве где-то слаб, где-то плохо отделен от самоуправления, где-то частичен (например, когда дружина является аппаратом и управления, и принуждения, и фискальным, и внешней политики). Но даже там, где такой аппарат достаточно заметен, на поверку обнаруживается масса архаики, в частности затрудненность его изменения и тем более «перетряхивания»; двойственность (а то и тройственность) социального

---

¹¹ В этом плане показательной является очень интересная статья Штаерман (Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме), которая убедительно аргументирует, что применение триады особенно в марксистском варианте с классовым уклоном не дает возможности назвать Римскую республику государством, а только особого рода гражданской общиной.

¹² См.: Годионер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства. С. 68.

¹³ Лелюхин Д. Н. Концепция идеального царства... С. 4.

положения многих администраторов, которые могли титул и ранг иметь по рождению, но на должность их ставил клан, а решения последнего утверждал правитель. Естественно, что такие управленцы не похожи на бюрократов, к тому же и жалованья в нашем понимании они не получали.

Таким образом, налицо давление теории на исследователей, которые имплицитно ожидают, что концепция, выведенная для сформировавшихся государств и достаточно ярких процессов, будет эффективной и для начальных, переходных моментов. Но для анализа последних нужен особый научный инструментарий. Поэтому следует сделать вывод, что **наличие какого-то достаточно оформленного и специализированного аппарата управления, состоящего из профессиональных, полностью подчиненных высшему руководству чиновников, не является обязательным для раннего государства, даже в конечной его фазе, а более характерно для сформировавшегося государства.**

Так же и развитый профессиональный аппарат насилия в раннем государстве был достаточно редким явлением. Конечно, во многих случаях можно обнаружить специальную царскую охрану, отряды стражи, наемные дружины, какую-то постоянную армию, примитивную полицию. Однако вся эта структура часто долго не имела полной системы, а опиралась на уже имеющиеся традиции и формы организации (типа ополчения и самовооружения народа, самостоятельного обеспечения безопасности за счет помощи родичей или вооружения слуг). В частности, редко какие военные акции ограничивались только постоянной армией¹⁴. В маленьких же государствах профессиональный аппарат принуждения был и вовсе слабым, поскольку там вполне хватало милиции или ополчения.

---

¹⁴ Даже в таких мощных государствах, как Старовавилонское при Хаммурапи, где имелась большая постоянная армия, а воины за службу получали землю, дом и скот, крупные походы требовали ополчения (см.: Разин Е. А. История военного искусства. С. 58).

Идея о территориальном принципе построения общества и управления им как важнейшем для характеристики государства утверждается со времен Генри Мэна и Льюиса Г. Моргана¹⁵. Но, как справедливо указывает Коротаев, дело заключается не в самом наличии-отсутствии территориального деления в догосударственных образованиях и в государствах (оно, как правило, было и там и там), а в том, что переход к государству сопровождался переходом от «естественного» территориального деления к «искусственному». «Наследуя от догосударственной политической организации естественное территориальное деление, государственная организация в процессе своего становления начинает его искусственно менять, придавая ему все более и более **регулярный** характер»¹⁶.

Но вот этой регулярности во многих случаях в ранних государствах мы не наблюдаем. Они нередко представляют собой пестрый конгломерат различных частей, имеющих где-то родовые и этнические, где-то территориальные или смешанные принципы организации. Территориальное деление на провинции на самом деле оказывается лишь объединением племенных и общинных территорий, имеющих разные по статусу отношения с центром и значительную (а то и полную) автономию внутреннего управления. Таковы были, например, Индия и государство Инков. И Римская республика не имела правильного территориального деления, а больше походила на федерацию полисов под гегемонией Рима¹⁷. Высказывается мнение, что большинство доиндустриальных империй при более внимательном анализе их реальной внутренней структуры оказываются мультиполитиями, то есть имеющими собственно государство в центре и разного рода политики на периферии¹⁸.

---

¹⁵ См.: Морган Л. Г. Древнее общество. С. 7 и другие. О взглядах Г. Мэна на этот вопрос см.: Mair L. Primitive Government. P. 12–13.

¹⁶ Коротаев А. В. От государства к вождеству? С. 245–246 (выделено мной. – Л. Г.).

¹⁷ Ковалев С. И. История античного общества. С. 104.

¹⁸ Korotayev A. V. and others. Alternatives of Social Evolution: introductory notes. P. 23–24.

Было немало государств, где, как в Индии, «связь человека с территориальными общинами была, вероятно, слабее, чем с родственно-кастовыми и профессиональными» и где «вся страна состояла из больших и малых общин разных типов и уровней организации, связанных между собой внутри иерархической структуры, сочленяющихся друг с другом и т. д., составляя сложную по своей структуре макрообщину»¹⁹.

В одних ранних государствах территориальный принцип был более заметным, в других – менее, и поэтому длительное время они основывались в основном еще на прежних (родовых, кастовых) формах структурного деления. Но в то же время у них могли быть более выражены иные признаки триады, в частности роль налогообложения²⁰.

Сказанное об аппарате и территориальности касается и налогов. Во-первых, они часто трудно отличимы от дани, подарков, временных займов и т. п., не говоря уже о том, что кое-где они заменялись принудительными работами. Во-вторых, налоги налогам рознь. В ряде случаев собственнo граждане или подданные не облагались налогами, а платили их либо иноземцы, либо торговцы, либо неграждане. Например, тиран Периандр в Коринфе (конец VII – начало VI вв. до н. э.) имел столь значительные доходы от портовых сборов, что мог отказаться от других налогов²¹. В-третьих, налоги часто были нерегулярными, например, собирались только во время войны. Наконец, в-четвертых, налоги могли и вовсе отсутствовать, поскольку у правительства имелись иные источники доходов, такие как монополии на определенный вид торговли (включая внешнюю) или на определенную деятельность (добыча соли, разработка полезных ископаемых); особые земли и территории, доходы с которых шли на содержание правителя;

---

¹⁹ Самозванцев А. М. Социально-правовая организация индийского общества... С 265.

²⁰ На подобные особенности африканских политий обращал внимание, например, Куббель (Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 132 и др.).

²¹ Берве Г. Тираны Греции. С. 34.

регулярная дань и контрибуции с покоренных; принудительные платежи союзников (как, например, в Афинском морском союзе) и т. п.²².

3. 3. Раннее и сформировавшееся государство

Таким образом, в одних ранних государствах какие-то из признаков триады имелись, а какие-то отсутствовали, в других – могло быть наоборот, а в – третьих присутствовали все признаки, но в неразвитом виде. Объясняется это вполне просто. Несмотря на то, что эпоха раннего государства обычно весьма длительна и занимает сотни, а то и тысячи лет, в определенном смысле раннее государство можно рассматривать как *переходный тип* политики от негосударственных форм к сформировавшимся государственным, как *переходное состояние* от зрелых догосударственных форм к зрелым государственным. При этом в ранних государствах масса черт, с одной стороны, роднивших его с догосударственными, а с другой – с уже сформировавшимися государствами. Поэтому в раннем государстве новые явления могут не преобладать, а быть еще подчиненными (так же, как сельское хозяйство может еще не преобладать у охотников, переходящих к сельскому хозяйству), но важно, что они начинают расти и вытеснять старое²³.

Неудивительно, что в ранних государствах наблюдается как масса архаики, так и неожиданно развитые институты, причем в каждом случае это своеобразие совершенно исключительное. Ведь идет постоянный поиск новых механизмов, приемов, институтов, которые пробуются для решения разных задач. Естественно, что только немногие из

---

²² В Римской республике в ранний период очень важным источником доходов была плата за сдачу в аренду общественных земель (см.: Налоги. С. 5). На необязательность налогов в ранних государствах указывают различные исследователи (см., например, Chase-Dunn C. and Hall T. D. Rise and Demise. P. 236).

²³ Это показывает, что «нам не следует мыслить в категориях «чистых» типов. Государство отличается даже в том случае, когда имеет много общих признаков с вождествами» (Wason P. K. Social Types and the Limits...P. 23).

них оказываются эволюционно универсальными (в числе которых как раз и признаки триады). Но хотя большинство из отношений и институтов и не стали универсальными, это не дает нам права считать общества, обладающие ими, негосударственными.

Те, кто пытаются использовать для анализа раннего государства признаки зрелого, недоучитывают, что в таких обществах заметная социальная стратификация, госаппарат и его карательные части, деление по территориальному признаку, налоговая система, частная собственность, письменное право и подобные отношения и институты не могут появиться ни одномоментно ни одновременно. Их одновременное обретение в каждом обществе просто невозможно. Такая «слепота» связана, говоря словами П. Уосона с непоколебимой приверженностью к однолинейной эволюции, с идеями о том, что типы схватывают сущность обществ, и с верой, что все сферы жизни общества эволюционируют «в ногу»²⁴.

Фактически же в зависимости от типа и особенностей общества в первую очередь появляются только какие-то институты и отношения (в каждом случае разные), а остальные потом уже достраиваются, часто с большим опозданием. Неучет этого не позволяет понять, что отсутствие и неразвитость того или иного признака из триады в раннем государстве не только не означает какой-то его ущербности, но представляет собой совершенно нормальное и типичное явление. Напротив, наличие в нем всех признаков в достаточно развитом виде являлось бы отклонением от нормы.

Для понимания различий между ранним и сформировавшимся государством нужно учитывать, что значительное соответствие друг другу политических и социальных, а равно и иных отношений, даже своего рода гармония между ними, нередко наблюдаемые в зрелых государствах, не

---

²⁴ Wason P. K. Social Types and the Limits... P. 24.

были изначальными. Процесс взаимной пригонки, притирки, перестройки разных сфер общества мог идти столетия и тысячелетия, занимая всю эпоху раннего и значительную часть сформировавшегося государств.

Но раз единства между сферами изначально не было, тогда важным становится различение двух аспектов понятия государства: как типа общества и как формы политической организации. «Несомненно, оба подхода к феномену государства – и как к типу общества, и как к форме политической организации – имеют право на существование и могут использоваться в зависимости от конкретных исследовательских задач, тем более что процесс становления государства как политической организации действительно обычно опережает трансформацию социально-экономической подсистемы общества». Далее автор цитаты предлагает подумать над возможным разведением терминов: соответственно просто «государство» и «государственное общество»²⁵.

Такое разделение будет продуктивным и вполне правомерным, но с важной оговоркой, что оно годится в основном для зрелых государств, только в отношении которых (и то не всегда) можно говорить и о государстве, и о государственном обществе. **Раннее же государство обычно не создает еще государственного общества**, поэтому рассматривать его через призму этого понятия будет неудобно (за каким-то исключением, связанными с исследовательскими задачами). Ведь принципиальное отличие сформировавшегося государства от раннего как раз и заключается в том, что последнее – уже государство, поскольку в нем заметны новые политические институты, но это обычно еще

---

²⁵ Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. С. 250. Впрочем, уже довольно давно была высказана мысль, что все определения государства можно в общем плане разделить на две группы. Первая связана с социальной стратификацией общества, вторая – со структурой управления и власти (Cohen R. Introduction. P. 2–3). Коэн, правда, еще упоминает об информационном подходе Райта, Джонсона и других. Аналогичные идеи о двух группах определений государства высказывает и Берент (Berent M. The Stateless Polis...P. 226).

не государственное общество²⁶. Новые или трансформировавшиеся институты еще:

а) не проникают по-настоящему в толщу жизни;

б) не переделывают все общество под себя или не формируют неразрывный симбиоз социальных, экономических и политических форм;

в) эти институты еще неполны, малы, часто не покрывают все общество, фрагментарны.

Исходя из сказанного, правомерен вывод, что для понимания феномена раннего государства самым главным является аспект политической формы (институтов, «технически» управления). В этом аспекте раннее государство можно определить как особую политическую и административную форму управления обществом с помощью определенным образом организованной системы власти и принуждения²⁷.

Таким образом, для характеристики раннего государства нужны иные признаки и характеристики, чем для сформировавшегося, иначе истинная специфика первого ускользает от исследователей²⁸. Попытки же навязать триаду раннему государству существенно затрудняют поиск отличий между ним и сформировавшимся государством.

4. «Государственники» и «альтернативники»

Если рассматривать взгляды исследователей, считающих саму идею раннего государства теоретически необходимой, то в аспекте данной работы – то есть с позиции при-

---

²⁶ Мне кажется, что автор вышеприведенной цитаты Д. М. Бондаренко фактически исходит из той же логики, что и я, когда считает: с точки зрения политической формы Бенин эпохи Второй династии при желании можно рассматривать как раннее государство, но государством (или «зрелым государством» в категориях Классена) из-за отсутствия развитой бюрократии, а также исходя из неразвитости признаков триады – нельзя (см.: Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. С. 249–250).

²⁷ Но это не дефиниция раннего государства, а только формулировка одного его аспекта. Обстоятельные определения раннего и сформировавшегося государств будут даны мной в следующем разделе.

²⁸ Хотя теоретики раннего государства много сделали для того, чтобы найти критерии отличия раннего государства от зрелого (см., например, Claessen H. J. M. and Skalnik P. Limits: Beginning and End of the Early State), но полностью проблемы не решили.

знания или непризнания наличия аналогов раннего государства – можно сказать, что имеется два главных подхода для определения специфики раннего государства.

4. 1. Государственники

Представители первого подхода не признают наличия аналогов (альтернатив) раннего государства (либо обходят этот вопрос молчанием), а все негосударственные формы считают догосударственными. Условно этих исследователей можно назвать **государственниками**. Они имплицитно полагают, что можно найти такой признак или группу признаков, которые отличают раннее государство сразу и безоговорочно от всех негосударственных форм (как от стадийно догосударственных, так и от стадийно равных раннему государству аналогов)²⁹.

Иными словами, идет поиск как бы абсолютного критерия раннего государства. Однако это серьезная ошибка. Применение только одного критерия ко всем случаям практически невозможно. Это все равно, как мы бы пытались отличить белые квадраты сразу и от черных квадратов и от белых прямоугольников либо только по цвету, либо только по форме.

Таких критериев несколько. По меньшей мере, их должно быть три, отличающих раннее государство:

- а) от догосударственных форм;
- б) аналогов;
- в) сформировавшегося государства.

Значит, совершенно необходимо признать наличие аналогов раннего государства. Ведь они по размерам территории, численности населения, сложности организации, а иногда по степени социальной стратификации, развитости судебной и законодательной системы и другим показателям мало уступают или не уступают вовсе ранним государствам, а то и превосходят их. Поэтому гораздо легче сначала разделить догосударственные и раннегосударственные

---

²⁹ Правда, по поводу того, какие это признаки, существуют очень большие разногласия.

политии по очевидным критериям: размерам, численности населения, сложности. А уже затем внутри обществ раннегосударственной стадии выделить по ряду признаков, связанных с особенностями управления, собственно раннее государство и его аналоги. Если же считать аналоги догосударственными политиями, теряется **действительная** грань между догосударственными и раннегосударственными образованиями. А это, в свою очередь, затрудняет поиск специфических различий между ранним и сформировавшимся государствами.

4. 2. Альтернативники

Другой, более предпочтительный и более мне близкий, но, к сожалению, гораздо менее распространенный подход, основывается на признании наличия аналогов (или альтернатив) раннего государства³⁰. Этих ученых можно было бы условно назвать **альтернативниками**. Но его сторонники, справедливо указывая на многолинейность и альтернативность социальной эволюции, в то же время не делают вывода о том, что эволюционно перспективными среди этих линий и альтернатив являются только некоторые. Применительно же к политогенезу они отрицают тот бесспорный (на мой взгляд) факт, что государственная линия эволюции, в конечном счете, оказывается ведущей, а негосударственные – тупиковыми. **В конечном счете**, в моем понимании, означает, что государственные и аналоговые им формы длительное время соперничают, и нередко в тех или иных отношениях и ситуациях последние превосходят первые. Однако все же постепенно именно государственные обще-

---

³⁰ Некоторая литература уже указывалась (см.: Гринин Л. Е. Генезис государства... Часть 1. С. 12). Стоило бы особо выделить: Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. *Civilizational Models of Politogenesis*, где структура книги подчинена общим идеям авторов: показать не просто альтернативы государству, но выделить две главные теоретических линии развития эволюции (в виде иерархических и неиерархических обществ). Правда, отдельные авторы сборника говорят относительно своих обществ не как об альтернативах, а именно как о ранних государствах (Beliaev D. D. *Classic Lowland Maya*) либо их позиция на этот счет остается неясной (Dozdev D.V. *Rome*).

ства оказываются наиболее распространенными, а аналоговые исчезают или оттесняются в эволюционный тупик.

Наиболее показательным является точка зрения на природу и эволюционную оценку демократических полисов (греческих, прежде всего)³¹. Считая их безгосударственной альтернативой социальной эволюции, они подчеркивают, что такая альтернатива была в культурном отношении выше государственной альтернативы. И делают из этого вывод, что альтернативные государственности пути эволюции могут быть **принципиально** (а не временно) выше государственных³². Поэтому не согласны считать, как предлагаю я, аналоги «боковыми» линиями политической эволюции.

Но уровень культуры и уровень политической организации – это разные вещи, которые нельзя прямо сравнивать (тем более что общество может быть выше в одном и ниже в другом). Поэтому огромная роль культурного наследия греков не может служить аргументом для того, чтобы считать их тип управления эволюционно более удачным, чем классическое государство (кстати, вполне способное, как показывает история эллинизма, императорского Рима, Китая и других стран, обеспечивать высокий уровень культурного развития).

Следовательно, даже если считать Афины и другие полисы, а также доимперский Рим безгосударственными обществами (что, на мой взгляд, неверно), тем не менее очевидно, что они оказались (для своей эпохи) менее жизнеспособными, чем государственный тип политий. В результате чего и в Греции, и в Риме полисная организация изживает себя и сменяется иными политическими режима-

---

³¹ Здесь они особенно опираются на работы Берента (Berent). См. литературу в конце.

³² Бондаренко говорит о необходимости недвусмысленно отказаться от постулата о государстве не только как о единственной, но и высшей постпервобытной форме социально-политической организации (Бондаренко Д. М. «Гомологические ряды» социальной эволюции ... С. 205). Но если государство не высшая форма, то какая же высшая? А если таковой нет, то куда ведут негосударственные линии эволюции?

ми. Более же правильная оценка, мне думается, заключается в выводе, что *демократический тип государства, особенно при политическом преобладании демоса (как в Афинах), в древности и в средние века подходил, прежде всего, для территориально небольших обществ и в целом был менее устойчивым, а потому эволюционно менее удачным, чем монархический тип государства.* Во всяком случае, из всех республиканских государств древности и средневековья до настоящего времени просуществовали лишь единицы (вроде Швейцарского союза), в то время как бывших монархических государств – десятки.

Отказ считать государство эволюционно более перспективным, чем аналоги, возможно, является одной из причин, почему сторонники этого подхода (насколько мне известно) фактически не предложили более или менее развернутых методик ни отличия раннего государства и его альтернатив от догосударственных форм; ни отличия раннего государства от его альтернатив; ни отличия раннего государства от зрелого.

Таким образом – несмотря на огромную проделанную множеством ученых работу – проблема выяснения специфики раннего государства все еще не решена. А это свидетельствует, что для ее решения нужны иная методика и другие подходы. Далее я пытаюсь показать, каким образом возможно решение этой задачи.

Подраздел 2. АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА

1. Объяснение методики сравнения раннего государства и его аналогов

Исходя из вышеизложенного, я пришел к выводу, что для успешного решения задачи выявления специфики раннего государства, ее надо разделить на следующие этапы:

– Сначала показать отличия обществ раннегосударственной стадии от догосударственной. *Это задача была выполнена во второй части настоящей работы;*

– Затем поискать специфику раннего государства от стадильно ему равных аналогов. *Это и будет основной задачей данного раздела.*

– Затем показать отличие раннего государства от сформировавшегося. *К этой задаче мы обратимся во втором разделе третьей части.*

Избранная мной методика представляется существенно более продуктивной, чем попытки отличать раннее государство одновременно от догосударственных и негосударственных форм.

При поисках отличий раннего государства от аналогов надо исходить из того, что и те и другие принадлежат к одной стадии. *И раз различия между ними не стадильные, а внутростадийные, они не столь сильные и очевидные, как между обществами догосударственной и раннегосударственной стадий.* Ведь если разницу в размерах и населенности полities можно выразить количественно, то важность различий между ранними государствами и аналогами оценивается, прежде всего, с учетом эволюционной перспективы. Поэтому в последнем случае нужны более тонкие подходы и средства, более детальный анализ.

2. Общая характеристика специфических признаков раннего государства

Для различения раннего государства от его аналогов я вывел четыре признака, подробному анализу которых, собственно, и посвящен данный подраздел. Эти признаки я назвал так:

1. Особые свойства верховной власти.
2. Новые принципы управления.
3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества.
4. Редистрибуция власти.

Прежде чем они будут раскрыты и охарактеризованы, следует сделать несколько пояснений.

I. Эти признаки представляют систему. Каждый из них во многом дополняет и объясняет другие. Поэтому они в

известной мере перекрывают друг друга. Но, конечно, в каждом раннем государстве эти признаки развиваются не равномерно, и одни оказываются развитее других.

II. Каждый из этих признаков в той или иной мере должен присутствовать в каждом раннем государстве. А их совокупность дает достаточную возможность, чтобы определить, раннее государство перед нами или его аналог. *Каждый признак обязательно показывает отличия раннего государства от каких-то аналогов, в которых его нет.* Но наличие только отдельных признаков не является стопроцентным критерием раннего государства, так как эти признаки могут встречаться и в некоторых аналогах, однако не в системе. **Таким образом, признаки раннего государства, отличающие его от аналогов, должны рассматриваться в совокупности, поскольку нет аналогов, которые бы обладали всеми перечисленными признаками.**

III. Признаки эти достаточно абстрактны, что видно из самих названий (*новые принципы, особые свойства, новые формы*). Я считаю, что для решения поставленной задачи – найти отличия раннего государства от аналогов – такие широкие обобщения наиболее продуктивны по следующим причинам.

– Они отражают факт, что в каждом раннем государстве в рамках этих признаков преобладали те или иные более узкие направления. Ведь понятно, что ни в одном раннем государстве не могли сразу появиться все новые принципы и формы, а только некоторые из них.

– Выделенные мной признаки позволяют объединить в них многие из тех моментов, на которые указывали различные исследователи как на критерии раннего государства. Например, *дифференциация и специализация власти и способность к ее делегированию*, а также *появление аппарата управления* включены в признак *новые принципы управления*.

– Признаки, отличающие раннее государство от аналогов, соотносятся с процессами, которые совершаются в послед-

них, как соответственно менее общие (видовые) и более общие (родовые) характеристики.

3. Особые свойства верховной власти

3. 1. О некоторых важных терминах

Для исследования процесса формирования государства анализ его верховной (центральной) власти представляется исключительно важным. На единый центр как на важнейший признак государства указывают и различные исследователи³³. Но понятно, что ««центром» централизованного общества не всегда будет определенная персона – лидер или правитель, обладающий высшей властью»³⁴. Поэтому необходимо сделать несколько пояснений, касающихся употребления этого и связанных с ним понятий.

Верховную власть можно трактовать более или менее широко. В узком плане – это монарх, президент, народное собрание и т. п. В широком – это совокупность органов и людей, осуществляющих высшую власть из постоянного или временного центра. Ведь ни монарх, ни народное собрание без определенного числа помощников и исполнителей, естественно, управлять не в состоянии. В настоящей работе я буду употреблять этот термин в широком смысле.

Такая верховная власть опирается на **источник власти** или формируется им. Это делает ее легитимной. Источником власти может быть монарх или его род, народ или его определенная часть, особая привилегированная группа. Сам источник власти в своих претензиях опирается на определенное право (давности, традиционности, особого статуса

---

³³ См., например, Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural... P. 586–588; Ember C. R. and Ember M. Anthropology. P. 158, 380.

Иногда я буду использовать понятия «верховная власть» и «центр» как синонимы, но следует помнить, что **верховная** и **центральная** власть в раннем государстве – это не всегда совпадающие понятия. Дело в том, что центральная власть может не быть верховной в плане фактического верховенства, а верховная власть может не быть центральной в географическом смысле (например, Карл Великий и многие государи Востока переезжали с правительством и двором с места на место). Не очень подходит понятие «центральная власть» и для полисных государств из-за малых размеров.

³⁴ Haas J. Nonlinear Paths of Political Centralization. P. 235.

рода правителя, права победителя или более сильного) и особую идеологию.

В государстве может быть как совпадение в одной фигуре источника власти и верховной власти (например, у монарха, особенно в теократии), так и их несовпадение при демократии или аристократических республиках. В последнем случае возникает определенная процедура делегирования власти от источника к верховной власти. Например, при демократии, когда избирается правительство; при неабсолютной монархии, когда основным источником власти у народа или знати, а монарх как бы исполняет их волю.

Коллизии между источником власти и верховной властью могут стать важной движущей силой развития государства, как это было, например, в борьбе аристократии и демократии в греческих полисах, в свержении монархии в Риме и Карфагене, в борьбе царей и аристократии во многих случаях. Смена источника власти означает крупные перемены в государственном устройстве (например, когда демократия сменяется монархией или наоборот; при смене династий и т. п.). То же касается и конфликтов внутри верховной власти или случаев, когда реальная верховная власть свергает номинальную, как это, скажем, произошло с Меровингами при Карле Мартелле в королевстве франков. Но в данном исследовании я не останавливаюсь на этих моментах.

3. 2. Достаточная сила верховной власти

В раннем государстве верховная власть приобретает некоторые черты, не свойственные не только догосударственным, но и негосударственным образованиям, даже тем, где реальная власть вождя и его окружения весьма велика.

В раннем государстве верховная власть чаще более сильная и более централизованная, чем в аналогах³⁵. «Глав-

---

³⁵ Спенсер считает, что «в любой эволюционной последовательности принимающая решения власть должна быть централизована, прежде чем внутренняя административная специализация и сопутствующее частичное делегирование власти могут осуществляться» (Spenser C. S. The Political Economy of Pristine... P. 157).

ная характеристика, которая отличает государство от других форм социальной организации, – это политическое господство, легитимная сила навязывать решения»³⁶.

Достаточная сила верховной власти отличает ранние государства от тех аналогов, в которых она формальна, слаба или отсутствует. А также от тех, где главная задача верховной власти – сохранить единство и консенсус, типа конфедераций³⁷ и более сложных обществ, например, галльских вождей и городов³⁸, а также т. н. гетерархий (*heterarchical polities*)³⁹.

От аналогов с более сильной верховной властью раннее государство отличается, прежде всего, большей систематичностью и активностью центра в отношении подвластной ему территории. Разумеется, многие области жизни почти не затрагиваются ранним государством. Но в отличие от аналогов его влияние на подвластные ему территорию и население, хотя бы в отдельных важных направлениях, становится систематическим, а не эпизодическим.

Здесь к месту можно упомянуть теорию сегментарного государства Э. Саутхола, которую он разрабатывает уже более полувека. «Сегментарное государство, – как он его определяет, – это такая полития, в которой сферы ритуального сюзеренитета и политического суверенитета не совпадают. Первый широко охватывает текучую, изменяющуюся периферию. Последний ограничивается нуклеарной областью. Могут различаться несколько уровней пирамидально организованного соподчинения политических центров»⁴⁰.

---

³⁶ Claessen H. J. M. & Skalnik P. *The Study of the State*. P. 487.

³⁷ Это не только ирокезы, но и целый ряд других конфедераций, распространенных как в Северной Америке, так и в иных частях света. Потребность в консенсусе в них «вызывает отсутствие стабильности в центре конфедерации и ведет к потере связи с «окраинами» (Фентон У. Н. Ирокезы в истории. С. 114).

³⁸ См.: Леру Ф. Друиды. С. 123–127.

³⁹ Crumley C. L. *Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity*.

⁴⁰ Southall A. *On the Emergence of States*. P. 150.

Иными словами, это государство, где есть лишь номинальное, «ритуальное» подчинение периферийных политических центров. Саутхол считает, что его концепция применительна только к зарождающемуся государству.

Действительно, в самом начале процесса становления государства и даже много позже такая ситуация не редкость, в какой-то мере даже типична. И все же я согласен с Классеном, что в том качестве, как определил Саутхол, такая политика «вовсе не является государством»⁴¹. На мой взгляд, вопрос в том, стремится ли верховная власть к усилению своего влияния, виден ли процесс такого усиления или нет. Если верховная власть длительное время удовлетворяется таким номинальным подчинением, то эту политику считать государством нельзя. А если налицо стремление превратить номинальную власть в более или менее реальную – можно.

Достаточная сила верховной власти в принципе должна обеспечивать территориальную целостность государства. И, действительно, многие правители овладевали искусством «покорять «союзника» с помощью «врага», а «врага» с помощью «союзника»⁴², активно искали методы контроля над правителями областей, средства против усилившихся областных лидеров или знати. Способность противостоять распадным процессам и тенденциям Р. Коэн особо подчеркивал как критерий государства⁴³. Однако распад нередко случался и в ранних государствах, но эту проблему мы затронем несколько дальше.

3. 3. Способность к переменам

Еще один показатель силы верховной власти заключается в том, что она должна быть способна производить существенные изменения в данном обществе и расширять

---

⁴¹ Southall A. On the Emergence of States. P. 150.

⁴² Такие советы давались в знаменитом древнеиндийском трактате о политике «Артхашастра», написанном, как предполагают, Каутилей, министром царя Чандрагупты в конце IV века до н. э. (см.: Лелюхин Д. Н. Концепция идеального царства... С. 37).

⁴³ Cohen R. Evolution, fission and earle state.

сферу властного регулирования. Конечно, была масса сдерживающих факторов для перемен, но тем не менее способность к ним по сравнению с аналогами увеличилась.

Такая способность объясняется уже тем, что раннее государство как бы генетически носит на себе отпечаток крупных (иногда и крутых) перемен. Ведь государства создаются – об этом мы уже говорили и еще будем говорить дальше – в особых условиях: каких-то кризисов, решительного несоответствия старых способов управления важным задачам, которые нельзя игнорировать; гражданского противостояния; искусственной концентрации населения или его резкого роста; ослабления или дискредитации власти в условиях сложных задач; завоевания или военного объединения и т. п.).

При этом иногда открывается большой простор для изменений. Например, правители ранних тираний в Греции порой довольно круто ограничивали не только влияние, но и частную жизнь знати и проводили важные реформы. И поэтому некоторые из них, «несмотря на весь свой тиранический эгоизм, а в некотором смысле и благодаря ему, заложили основы будущего полиса»⁴⁴. В монархиях правители, почувствовавшие себя всевластными, переставали считаться с различными советами, собраниями и традициями и за десяток-другой лет проводили больше реформ, чем их было за предыдущие сто-двести лет. Ликвидация власти вождя или царя, а затем и ограничение влияния аристократии в демократических полисах давало почти неограниченную власть демократическим органам, которые могли иногда принимать исключительно интересные решения.

3. 4. Полнота функций верховной власти

Чем больше функций выполняет государство, тем больше это в принципе говорит о росте государственности⁴⁵.

---

⁴⁴ Берве Г. Тираны Греции. С. 37.

⁴⁵ Об основных функциях формирующегося государства см.: Service E. R. Origins of the State... Р. XIII. Относительно того, какие проблемы почти всегда стоят перед ранним государством см.: Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural Approach. Р. 576. Стоит отметить, что верховная власть все заметнее приобретает и статус верховного арбитра. Некоторые исследователи указывают на это как на важную характеристику государства (см., например, Crone P. Pre-Industrial Societies. P. 7).

Но поскольку объем функций в каждом государстве во многом зависит от конкретных условий (в частности от того, организует ли государство производство или нет), то нужно установить хотя бы факт **достаточной полноты функций** верховной власти. При этом государство должно выполнять как **функции внутреннего регулирования** (объединительную и карательную, высшего арбитра, судебную и посредническую, фискальную, организационную, контрольную, сакральную), так и **внешние** (обороны или военного грабежа, поддержания суверенитета и удержания в орбите своего влияния союзников, внешней торговли и внешних сношений). Это отличает ранние государства от аналогов, где внутреннее управление слабо (держится на традициях), а внешнеполитическая функция довольно развита, вроде крупных политических объединений кочевников («кочевых империй», как их называет Н. Н. Крадин), в которых верховная власть, не вмешиваясь во внутреннее управление, могла контролировать внешнюю торговлю и военные акции. Ибо если внутри общества можно пытаться решать проблемы старыми методами, то вне его очень часто это невозможно.

3. 5. Независимость источников дохода верховной власти

Как уже сказано, доходы раннего государства, не всегда связаны с налогами на подданных или принудительными работами (хотя и то и другое, конечно, больше характеризует государство как институт). Однако центральное правительство стремится иметь независимые источники дохода. Для реализации этой задачи оно должно либо обладать возможностью принудить население к повинностям, либо ввести (создать) монополии на какие-то важные источники богатства, либо установить контроль за какими-то важными производственными или торговыми участками. Ибо и для раннего государства еще так же, как и для сложного вождества, контроль необязательно должен быть полным, неред-

ко он охватывает только какую-то важную часть экономики⁴⁶.

С учетом же того, что потребности государства растут, оно стремится к тому, чтобы как можно меньше зависеть в экономическом плане от доброй воли населения. Даже в демократических государствах неизбежно создается во многом автономная перераспределительная система, обслуживающая государственные нужды, поскольку народ привыкает к тому, что власть должна получать определенные средства.

Разумеется, степень свободы верховной власти от населения в доходах сильно колеблется и от общества к обществу, и от периода к периоду. Ведь в сложных ситуациях правительству приходилось прибегать к выяснению мнения населения и опираться на какие-то советы, соборы, генеральные штаты и т. п. И все же раннее государство в целом постепенно становилось потенциально независимым от воли населения и нижестоящей власти, которая начинала выступать как агент центра по сбору средств. Те государства, которые не могли обеспечить свой материальный базис, были обречены.

Момент независимости в доходах существенно отличает раннее государство от тех аналогов, в которых система перераспределения слаба и статична, слишком зависима от волеизъявления народа. Однако было немало аналогов, в которых высшая власть (в частности, в лице верховного вождя) также имела независимые от населения источники доходов⁴⁷. Но можно высказать предположение о том, что в раннем государстве по сравнению с такими аналогами намечается важное различие в структуре расходов. Хотя роль престижного потребления остается еще очень большой, в общей структуре потребления государства она должна уменьшаться, уступая место военным и иным госу-

---

⁴⁶ См.: Earle T. K. *How Chiefs Come to Power*. P. 70.

⁴⁷ Ёрл дает достаточно подобных примеров в своих работах. См., например: Earle T. K. *How Chiefs Come to Power*; Earle T. K. *Hawaiian Islands*.

дарственным затратам. И сама престижность меняет свой характер, становится более «государственной», чем персональной.

3. 6. Идеология «государственности» и «централизации»

Во второй части мы анализировали роль идеологии в стейтогенезе, соглашаясь с рядом исследователей, которые придают ей очень большое значение. Важнейшая роль идеологии для укрепления раннего государства, для придания верховной власти достаточной легитимности не подлежит сомнению, как и то, что идеология частично компенсирует недостаток силы у верховной власти.

Поэтому я хотел бы только подчеркнуть некоторые особенности в развитии идеологии раннего государства. Во-первых, в ней намечаются «государственные» идеи (конечно, еще очень сырые и примитивные). Иногда, как в Древнем Китае, начинается постепенное разделение собственно религии и идеологии (в последней главный постулат – подчинение власти). Для монархических государств, правда, это не очень характерно, но зато отчетливо прослеживается в демократических и гражданских государствах, таких как Спарта, Афины, Рим и другие. В других случаях, идеология усиливает позиции царя и его рода. При этом возникают идеи как бы неразрывности данного общества, народа, земли, с одной стороны, и правителя с его особым родом – с другой⁴⁸.

Во-вторых, по мере укрепления центральной власти в некоторых обществах идеология также приобретает своего рода центростремительное движение. Например, вместе с борьбой городов за первенство идет и «борьба» за то, какой бог будет верховным. Возникает и новая структура мифо-

---

⁴⁸ «Культы, связанные с верховным правителем и его предками, были одним из важнейших, если не самым важным, каналом проникновения в сознание бенинцев идеи об их единстве на уровне всей страны» (Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. С. 199).

логии, в которой выгодные для верховной власти мифы занимают центральное место. В гражданских и демократических обществах на первое место выдвигается народ, государство, родной город. В Спарте, Афинах, Риме и в других обществах мы легко найдем примеры этому, а также факты идеологической обработки молодежи и армии⁴⁹.

4. Новые принципы управления

С усложнением общества и наращиванием в нем новых этажей власти неизбежно возникает какое-то движение в сторону разделения труда в управлении обществом⁵⁰. Однако в аналогах раннего государства такое разделение базируется на старых (родовых, сакральных, самоуправления и других) принципах, отчего не превращается в саморазвивающуюся систему, ведущую к постоянной дифференциации функций.

В раннем государстве появляются новые принципы разделения труда по управлению обществом. Наиболее важными из них являются: **делеги́рование власти; новое разделение функций (отделение исполнения от решений); изменения в комплектовании кадров управления; рост значения новых типов управленцев; появление властных вертикалей** и некоторые менее универсальные, то есть встречающиеся только в отдельных ранних государствах (связанные с дифференциацией функций, отраслевым характером управления, разделением властей и другим). Постепенно принципы разделения управленческого труда стали и **новыми принципами управления обществом.** Но каждый из них в конкретных государствах реализовывался не полностью, а фрагментарно, сочетаясь с традиционными и догосударственными отношениями.

---

⁴⁹ См., например: Бочаров К. И. Очерки истории военного искусства. С. 87, 117, 120, 201.

⁵⁰ В частности, возникает **специализация в ролях лидерства**, что некоторые исследователи считают признаком сложного вожества (см., например: Лозный Л. Переход к государственности в Центральной Европе. С. 107. Лозный ссылается на Ёрла).

4. 1. Делегирование власти и делимость власти

Делегирование власти означает возможность передать кому-либо власть в определенном объеме и на определенных условиях (обычно с ограниченным сроком) для выполнения каких-то задач и функций. Такая практика зародилась вместе с появлением сколько-нибудь институционализированной власти. Однако догосударственные и негосударственные общества в целом отличались слабой способностью к делегированию власти⁵¹. Исследователи отмечают, что вождь часто не мог передать на сколько-нибудь длительное время кому-либо свои полномочия даже для решения важных проблем, не рискуя, в конечном счете, уменьшить или даже потерять свою власть⁵². Тем более это было трудно сделать, если вождь имел сакральные функции, а его власть зиждилась на страхе перед его особыми качествами, которые далеко не всегда можно «делегировать» другому. Такие ограничения – поскольку сам вождь не мог поспеть везде – существенно усложняли управление и ставили преграды для эволюции политической системы.

Однако потребность в делегировании власти вытекала из важных практических нужд и необходимости решать одновременно много вопросов. По мере роста объемов и сложности задач такая потребность все усиливалась. Поэтому, в конце концов, трудности делегирования власти начинают постепенно преодолеваться, поскольку в раннем государстве удастся, наконец, найти способы наделять кого-либо нужной долей власти на нужное время без боязни лишиться ее⁵³.

---

⁵¹ Исключения составляли демократические аналоги раннего государства, в которых источник власти (народ или его часть) делегировали власть выборным лицам. Но зато в связи с ограничением полномочий должностных лиц и часто коротким сроком их деятельности степень концентрации власти в этих обществах была слабая, что могло стать серьезной помехой для образования ранних государств.

⁵² См.: Spenser C. S. *The Political Economy of Pristine State Formation*; Wright H. T. *Recent Research on the Origin of the State*.

⁵³ О важности в раннем государстве делегирования власти см.: Claessen H. J. M. *The Earle State: A Structural...* P. 576; Spenser C. S. *Op. cit.*; Wright H.T. *Op. cit.*

Таким образом, возможность делегирования власти становилась важным новым принципом управления. Но и этот, и другие принципы управления базировались на появлении нового свойства власти, о котором стоит сказать особо. Я назвал это свойство **делимостью власти**. Оно заключается в возможности для обладателя власти делить ее в нужной пропорции, между нужным количеством людей и на определенное время без утраты обладания властью и контроля над ней. Соответственно делимость власти предполагает реальное право отобрать данную власть или перераспределить ее. Делимость власти означает также согласие подвластных с правом обладателя власти делить ее и передавать другим.

Неделимая же власть – это власть, которую нельзя на время передать, делегировать, распределить и разделить между различными людьми и органами, не рискуя ее полностью или частично потерять либо встретить отказ в признании правомерности такого деления или нежелание подчиняться «заместителю» обладателя власти. И такой она обычно была в догосударственных обществах и в большинстве аналогов. Стоит заметить, что **неделимость власти означает и неделимость ответственности правителя** за всякого рода неудачи и бедствия. В то время как в государстве правитель очень часто мог переложить ответственность на исполнителя.

Для любого политического организма применимо, используя терминологию социологов, правило нулевой суммы, то есть насколько у одного власти прибавилось, настолько у другого она убавилась. Чтобы читателю было понятно, о чем речь, я позволю себе одну цитату.

«Разногласия по вопросу о природе власти возникли также в связи с так называемой проблемой нулевой суммы. Власть можно сравнить с ограниченным количеством товара – если ее больше у одной партии, то у другой должно быть меньше. Более того, если власть перераспределяется, это всегда влечет за собой потерю для одной или другой

группы»⁵⁴. Однако некоторые теоретики, включая Парсонса, утверждают, что «увеличение власти не всегда связано с чьим-то поражением» и что общественные условия могут уменьшить ограничительный характер объема власти. Парсонс приводит аналогию с деньгами. Кредит может способствовать увеличению денежных ресурсов, но богатство одного человека не всегда приводит к бедности других людей⁵⁵.

Мне думается, что в догосударственных и негосударственных обществах это правило «нулевой суммы» действует более жестко, чем в ранних государствах, поскольку в последних при передаче власти от центра к его агентам сум-

ма власти не остается нулевой, а возрастает. Ведь по мере развития аппарата центр может наделять кого-то властью, но объем его собственной власти от этого не уменьшается (по крайней мере, не должен уменьшиться теоретически). Мало того, чем больше людей у него на службе, тем больше его власть. Но властью обладает и каждый функционер. Следовательно, **в целом сумма власти возрастает.**

И хотя в раннем государстве эти процессы только-только начинаются, важно, что на базе делимости власти и роста ее общей суммы становится возможным усложнение разделения управленческого труда, что открывает перед обществом огромные перспективы развития в политическом плане.

4. 2. Отделение выполнения функций от носителя функций

Общая черта ранних государств и аналогов – увеличение уровней сложности – ведет к тому, что центру становится труднее поддерживать достаточно эффективную связь между собой и периферией. В аналогах решение этой проблемы достигается, в первую очередь, за счет гипертрофии традиций и доведения до предела прежних тенденций

---

⁵⁴ Смелзер Н. Социология. С. 545.

⁵⁵ Там же.

развития, например, наращивания числа и титулатуры вождей (а также разрастания их линий); более четкого разграничения объема власти региональных и верховных правителей; более четкого закрепления тех или иных функций в руках определенных родов и линий; развития генеалогического принципа, а также сакральных, ритуальных и идеологических моментов, связанных с использованием власти.

Во многом похожие процессы идут и в раннем государстве. Однако, помимо старых тенденций, там возникает и нечто качественно иное, а именно: *отделение исполнения функций верховной власти от нее самой (как носителя функций)*⁵⁶. В результате происходит качественно другое, чем прежде, разделение функций. Верховная власть, образно говоря, превращается в мозг, который управляет различными органами общества, а ее задачи на местах исполняются специальными порученцами, представителями, функционерами, наместниками, специалистами. Этот формирующийся аппарат управления становится приводным ремнем от верховной власти к обществу (если использовать определение Ленина о профсоюзах)⁵⁷. В результате такого разделения функций и начинается та внутренняя специализация по Райту, в результате которой центральные процессы дифференцируются на отдельные действия, которые могут быть выполнены в разных местах и в разное время⁵⁸.

Таким образом, центр может, не теряя власти, расширять количество своих порученцев и функционеров, полу-

---

⁵⁶ Иногда говорят о делегировании задач (Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural...P. 576), но это только часть указанного мной принципа. Также и понятие, которое использует Спенсер, «делегированное принятие решений» для обозначения стратегии назначения из столицы на места управленцев низшего уровня с ограниченными полномочиями (Spenser C. S. Op. cit. P. 157), составляет только часть указанного мной принципа.

⁵⁷ В Китае еще на самой заре формирования государства появляется «сентенция, уподобляющая государственное устройство строению человеческого тела, а именно – государь это голова, а сановники или же чиновники это его руки и ноги, глаза и уши» (Бокшанин А. А. Зарождение административно-управленческого аппарата в Древнем Китае. С. 213).

⁵⁸ Wright H. T. Recent Research on the Origin of the State. P. 381.

чая возможность сосредоточиться, прежде всего, на выработке общих решений, командовании, координации деятельности, сборе данных и контроле. Тем самым преграды для распространения его власти и расширения функций существенно уменьшаются, а возможности для экспансии увеличиваются. Проблемой становится необходимость кормить добавочных воинов и функционеров. Вот эта необходимость и является постоянным источником деятельности государства, его активности, необходимости что-то менять. Отделение исполнения функций порождает особую функцию верховной власти – **контроль за исполнителями**.

Все это ведет к усложнению и порой к разбуханию верховной власти, специализации ее органов, возникновению сложного баланса интересов в ней. Отношения внутри верховной власти (в том числе и внутри правящего рода) часто становятся важнейшими в политической системе государства, даже судьбоносными для него. И это также свидетельствует об изменении роли и свойств верховной власти в государстве по сравнению с аналогами.

Разумеется, такое разделение функций еще очень неполно и фрагментарно. Обычаи вроде полюдья показывают, что верховная власть еще сама стремится или вынуждена и собирать дань, и вершить суд, и производить сакральные действия. Но все же во многих ранних государствах описанное отделение уже вполне заметно и играет важную роль. Оно способствует и **развитию властных вертикалей**, то есть подчинению управленцев сверху до низу одной воле и одним правилам. Этот принцип управления долгое время, правда, не играл слишком важной роли, однако в некоторых органах, особенно в армии, такие вертикали могли иметь место.

4. 3. Начало формирования особого аппарата управления

4. 3. 1. Новые черты системы управления в раннем государстве

Наличие развитого аппарата управления, как мы видели, не является обязательным признаком раннего государства. И это вполне объяснимо. Ведь административный аппарат возникает часто именно как добавочный, неосновной способ управления, и только потом обнаруживаются его преимущества. Поэтому в раннем государстве он создавался в основном из наличного материала (а не из идеальных чиновников, которых просто не существовало), и, конечно, не был полностью профессиональным. Мало того, он лишь частично формировался из лично обязанных власти людей, а большей частью центр просто приспособливал к своим нуждам уже сложившиеся формы самоуправления, управления и выполнения определенных функций теми или иными родами, слоями, выборными людьми⁵⁹. Иными словами, **аппарат управления в раннем государстве обычно не системный. Он заново формируется только в каких-то важных местах или направлениях.** На привычный нам аппарат управления он похож только в отдельных фрагментах и моментах, а в целом представляет собой пеструю смесь старого и нового, поставленного на службу верховной власти. Эта система, однако, часто дает сбои то в одном, то в другом месте. Отсюда и постоянные поиски лучших административных решений, иногда наивных и близоруких, иногда просто вредных, но путем проб и ошибок все же открывающих простор для эволюционного развития.

Объем, степень сложности и разветвленности аппарата очень сильно зависят от объема самого государства. И тут никак нельзя сравнивать небольшие и огромные державы.

---

⁵⁹ В частности, специализация деятельности по кланам могла являться одним из источников формирования госаппарата и аппарата принуждения. Например, в Древней Японии VI века н. э. император Кэйтай «делил власть с кланами Мононобэ и Опогото, которые поставляли воинов для карательных походов, и с кланами Накатоми и Сога, поставлявшими специалистов культа». Однако постепенно под воздействием централизации государственной власти «различия, восходившие к специализации родов на особых видах деятельности», сглаживались, и эти виды деятельности «заново распределялись внутри высшего класса» (Patterson T. C. *Gender, class and state formation in ancient Japan*. P. 131–132). См. также: Дьяконова Е. М. *Древняя Япония*. С. 214.

Кроме того, разветвленность аппарата зависит от функций государства, поскольку там, где оно выполняет производственные задачи, соответственно и управленцев больше. Наконец, наличие достаточно развитого рынка делает ненужным часть управленцев, появляющихся в ряде государств в отсутствии рынка.

Таким образом, в раннем государстве начинается формирование особой **системы управления**, которая причудливым образом соединяет в себе старые и новые черты, а также и чисто переходные (впоследствии исчезающие) явления. Причем новые признаки могут и не играть еще определяющей роли. Поэтому сравнение управления в раннем государстве и аналогах должно идти, прежде всего, по пути выявления в первых новых моментов, особенно таких, которые оказались способными в дальнейшем перестроить общество. Здесь следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, хотя нередко верховная власть вынуждена терпеть различные иные силы и формы управления, все же в ранних государствах по сравнению с аналогами чаще проглядывается более сложная и разветвленная система управления, пусть состоящая еще в основном из управленцев старой формации (в том числе родовых начальников), но уже замкнутая на верховную власть. Сам род правителя начинает теперь играть в чем-то новую роль: роль высшего эшелона власти, члены которого нередко раскиданы по всем уголкам страны. И даже в борьбе членов этого рода между собой за власть также можно увидеть, говоря словами русских историков XIX века, борьбу государственного и родового начал.

Во-вторых, если не во всех, то хотя бы в некоторых из ключевых органов и институтов (армии, суде, системе заместителей, фискальных органах) верховная власть способна реально влиять как на назначения на важнейшие посты, так и на среднее звено руководителей.

В-третьих, для государства характерна **большая социальная мобильность** людей, выполняющих госфункции, чем для многих аналогов, выше **степень легкости вклю-**

чения в указанный аппарат людей не из определенной элиты (рода, клана). Чем строже ограничения, вплоть до полной невозможности вхождения в него людей со стороны, тем больше в политике старых способов организации, не позволяющих перейти к собственно политико-административным методам управления.

В-четвертых, по сравнению с аналогами ранние государства имели гораздо больше возможностей для замены (снятия с должности) членов аппарата в связи с плохим выполнением обязанностей или необходимостью, хотя порой слишком большого простора для выбора кандидатов и не было.

В-пятых, в ранних государствах по сравнению с аналогами происходят большие изменения в составе управленцев, **поскольку появляются новые типы управленцев**. Об этом скажем несколько подробнее.

4. 3. 2. Изменения в составе управленцев

Витфогель говорил, что государство – это «управление профессионалами»⁶⁰. Но профессионал – это достаточно широкое понятие. Оно включает в себя и **наследственных** профессионалов, то есть тех, кто от рождения предназначен для отправления тех или иных обязанностей. Именно такими являлись вожди разных рангов в вождествах, а также наследственные главы, старосты общин или их частей. Поэтому можно сказать, что во многих аналогах и догосударственных образованиях также управляли профессионалы.

В ранних государствах наследственных и клановых⁶¹ профессионалов, занимающих свой пост или должность независимо от центра, также было немало. Но постепенно все более заметную роль начинают играть нового рода управленцы (а также прежде маловажные типы управленцев).

---

⁶⁰ Wittfogel K. A. Oriental Despotism. P. 239.

⁶¹ Так можно назвать членов родственной группы, только из числа которой выделялись управленцы и функционеры на определенные должности.

Во-первых, существенно растет число и роль управленцев-**функционеров**⁶². А разница между функционером и, скажем, вождем существенна, поскольку первый выполнял ограниченные и специальные функции, а второй – общие⁶³. Ибо вождь сосредоточивал на своем уровне всю полноту власти, а люди, поставленные (утвержденные) центром, часто имели только определенные полномочия.

Во-вторых, слой управленцев становится довольно пестрым, поскольку их права на должность были различны. Среди наследственных управленцев растет число **утвержденных**. Они наследовали должности по родственной линии или получали ее из рук клана, но вступление на должность должно было утверждаться центром.

Среди новых типов управленцев особо стоило бы выделить **назначенцев**, тех, кто назначается (нанимается) на какие-то должности или места и зависит от правителя и власти. Разумеется, и эта группа была пестрой. Она включала в себя и тех, кто материально мог вполне обойтись без службы или даже вовсе тяготился своим положением. Но была и подгруппа тех, для кого служба была главным делом и кто очень сильно зависел от вышестоящей власти. Следует учитывать, что и в аппарат, и в дружины людей стремились подбирать по принципу преданности. Особенно удобны в этом плане для власти были люди без роду и племени, рабы и слуги, иноплеменники. Поэтому их и привлекали для управления⁶⁴. Такая практика была широко распространена не только в государстве, но и у частных лиц. В некоторых государствах от управленцев требовали и специальных знаний, тем самым создавалась эволюционно перспективная группа управленцев-специалистов (в том числе писцов).

---

⁶² Их классификацию см.: Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural...P. 576.

⁶³ См. об этом, например: Diamond J. Guns, Germs, and Steel. P. 274.

⁶⁴ См., например, о роли царских слуг в управлении в Египте в Древнем царстве: Janssen J. J. The Earle State in Ancient Egypt. P. 223. Роль слуг была заметной повсеместно.

Таким образом, в политике и управлении появлялось все больше людей, которые жили за счет выполнения своих функций и прямо зависели от правительства. Разумеется, они могли еще не составлять полную систему, но чем дальше развивалось государство, тем заметнее был конфликт между профессионалами по праву и профессионалами-назначенцами, тем сильнее верховная власть стремилась или заменить первых на вторых, или превратить первых во вторых. История многих государств изобилует такими примерами. Чем более была способна верховная власть выполнить это, тем заметнее было развитие государства.

В демократиях и аристократических республиках, помимо функционеров, сформировался и тип профессиональных политиков. В этих обществах прийти к власти очень часто мог только подготовленный (и обычно состоятельный) гражданин. Эти люди занимались политикой не потому, что нуждались в доходах, а потому, что это было престижно и упрочивало их положение. Косвенным путем, правда, нередко удавалось получить и материальные выгоды, но прямой связи тут не было. Иными словами, это были **свободные** профессионалы, обладавшие особой квалификацией (ораторским искусством, знанием законов и т. п.).

Возможность служить или не служить, заниматься политикой или нет характерна для аристократических или сословных государств, где высшие слои (сословия) имеют независимые источники дохода. Но это могло быть только в том случае, когда государство обеспечивало и охраняло собственность этих людей. Иными словами, государство здесь выступало как исполнительный комитет (или как проводник) воли граждан, точнее, той части граждан, которой удалось навязать свою волю остальным⁶⁵. Таким образом, свободные профессионалы были частью политической системы и фактически частью госаппарата (как сегодня в

---

⁶⁵ Как отмечал Вебер, «важным следствием полной или частичной победы незнатных слоев общества для структуры политического союза и его управления в античности... [было установление] **административного** характера политического союза» (Вебер М. Город. С. 392). (Выделено мной. – Л. Г.)

развитых демократиях партийные функционеры, по сути, являются частью государственной машины). Какие-то из них прямо находились у власти, другие оставались «оппозицией его величества», но в целом это была неразрывная система.

Общие черты профессионалов-функционеров и профессионалов свободных заключались в том, что для занятия должности или занятия политикой ни безоговорочного права, ни строгой обязанности у них чаще всего не было. Имелась и определенная свобода в выборе занятий, и определенная неуверенность в прочности своего положения. Следует также отметить и необходимость в специальных знаниях.

5. Новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

5. 1. Традиционные и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

Во второй части мы отмечали, что политическая власть в государстве постепенно приобретает возможность регулировать при необходимости любые аспекты жизни общества. Какие именно моменты будут объектом такого регулирования, разумеется, зависит от очень многих вещей, в том числе от задач и силы верховной власти. Но при определенных ситуациях даже вопросы, весьма далекие от политики, становятся политическими, если верховная власть начинает в них влезать, менять и контролировать. Но вместе с объемом и сложностью сферы регулирования в раннем государстве существенно повышается и роль нетрадиционных методов регулирования, а также появляются новые⁶⁶.

---

⁶⁶ Нетрадиционные методы применялись в догосударственных и негосударственных образованиях, но не как основные. В ранних государствах существенно повышается и их значимость, и отношение к ним со стороны верховной власти, которая все чаще начинает использовать их как важнейшее орудие своей политики. Совсем новых методов могло быть и не так много.

Что я имею в виду под традиционными методами регулирования жизни общества? Это методы, которые:

а) уже устоялись и потому не требуют отходов от прежней практики;

б) основаны на таких обычаях и деятельности людей и групп, которые либо проходят вовсе без какого-либо участия верховной власти, либо ее участие в них объясняется традицией и обязанностями, которые верховная власть не может изменить (вроде какого-нибудь обряда плодородия, религиозных празднеств, выслушивания жалобщиков и т. п.).

Соответственно нетрадиционные и новые методы:

а) обязательно связаны с прямым или косвенным участием верховной власти (непосредственно или через ее представителей);

б) в них явно выражается воля верховной власти, и они могут быть связаны с теми или иными изменениями в обычаях и законах.

Разумеется, деление на традиционные и нетрадиционные методы весьма условно. Но оно способно быть полезным при анализе особенностей ранних государств по сравнению с аналогами. В частности, в последних изменение традиций, регулирующих социально-политическую жизнь, было связано, в первую очередь, со сверхразвитием старых направлений и потенциалов. Зато в ранних государствах наряду с таким сверхразвитием укрепляется важная способность к реформированию и / или к разрыву с некоторыми традициями.

5. 2. Нетрадиционные и новые формы регулирования:

– реформирование;

– разрыв с традициями и тенденция к замене традиций политической волей (деятельностью управленцев или выборных лиц, правом, насилием, нормотворчеством власти и т. п.);

– рост значения принуждения и контроля за исполнением, в том числе установление контроля за прежде автономными должностными лицами и органами (судами, старостами и т. п.)⁶⁷;

– изменения в системе поощрений и наказаний (в т. ч. их кодификация или детализация, появление новых форм поощрения и наказания, изменение круга или положения лиц, имеющих право осуществлять наказания и поощрения);

– расширение полномочий должностных лиц для выполнения ими воли и политики верховной власти;

– создание условий (особых законов; органов власти, надзора и контроля; должностей; изменение обязанностей местной власти и прочего), которые позволяют верховной власти добиться большей регулярности в контроле за обществом, в принятии важных для нее решений и доведении их до населения.

Стоит добавить, что в каждом раннем государстве (и даже на каждом этапе его развития) какие-то из перечисленных методов могли быть мало развиты, а какие-то – преобладать. Конечно, подробно обо всех формах сказать не удастся, мы остановимся только на первых трех.

5. 3. Традиция и государство. Традиция и реформирование

Отношение государства к традициям двойственное. Оно может опираться на них, если это для него удобно. Так, в России искусственно сдерживался распад сельской общины. Но если эти традиции мешают функционированию или интересам верховной власти, их пытаются тем или иным

---

⁶⁷ В уже упоминавшемся древнеиндийском трактате о политике «Артхашастра» (во второй его книге) очень много места уделено сведениям о контроле над теми, кто выполнял роль «надзирателей» за подданными и «элементами царства» и «проверке исполнения ими традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверке честности при передаче в казну должной части дохода, а также осуществлении наказаний, штрафования и устранении нарушителей... тех, кто присваивал царское имущество, царскую долю доходов и т. д.» (Лелюхин Д. Н. Концепция идеального царства. С. 42). Такие проблемы типичны для ранних государств.

способом устранить. В целом же имелась тенденция к замене традиционных форм регулирования жизни административными и правовыми.

В догосударственных обществах роль традиций была исключительно важной. Но правомерно ли думать, будто ранние государства незаметно вырастают из этих традиций, так что люди почти не ощущают перемен? Я полагаю, нет. Образование раннего государства всегда связано с заметными переменами.

Ко многим традициям раннее государство было индифферентно, так как они еще не влияли на его деятельность. На другие традиции оно, напротив, опиралось, порой резко усиливая их, делая из менее значимых важными или самыми важными⁶⁸. В этом смысле оно сходно со многими аналогами, в которых как бы идет гипертрофирование традиций, как это было, например, с родовитостью в Полинезии и в других местах⁶⁹. Есть много традиций, которые не нравятся верховной власти, но которые оно не может, не считает возможным, боится тронуть.

Наконец, четвертая группа традиций включает в себя такие, которые препятствуют решению насущных задач или достижению важнейших целей либо угрожают устойчивости или самому положению верховной власти. Их она (когда это по силам) устраняет или преобразует. И вот это **стремление изменить некоторые важные традиции или порвать с ними, мне кажется, очень характерно для ранних государств. Почему?**

---

⁶⁸ Например, у зулусов юноши должны были проходить своего рода военное обучение в военных краалях в течение достаточно длительного времени, и только после этого они получали право жениться. «Король» зулусов Чака, который вел бесконечные войны и был заинтересован в возможно большей армии, чрезмерно усилил указанную традицию. Он запрещал воинам жениться в течение многих лет, поскольку они непрерывно находились на военной службе. Такое право он давал только за особые заслуги отдельным воинам или целым частям. (См.: Риттер Э. А. Чака Зулу. Возвышение зулусской империи).

⁶⁹ Нечто подобное было и в ряде ранних государств, в том числе в Китае, где в шанском обществе система родства не имела еще четких критериев, в частности, основные и побочные ветви еще не сильно различались. Зато в последующие периоды такая формализация усилилась (см.: Бокщанин А. А. Сложение государственно-административных институтов в Китае. С. 230).

Дело в том, что управление только по традиции не требует ни специального аппарата, ни выполнения особых функций контроля. **Другими словами, там, где традиция господствует абсолютно, не нужно государства**, а достаточно иных принципов организации общества⁷⁰. Государство же – это политическая форма, возникшая в условиях, когда был необходим отход от некоторых важных традиций. **Таким образом, перефразируя известное определение, можно сказать, государство начинается там и тогда, где и когда традиционные методы управления не действуют**⁷¹. Иными словами, переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации и необходимостью существенных (иногда и коренных) изменений в управлении.

Конечно, сильные изменения и разрывы с традицией в результате неожиданной перемены ситуации, или внутренней борьбы, или необходимости имели место в некоторых случаях и до раннего государства, и параллельно ему⁷². Но все же большинство аналогов не способны уйти от тех традиций, которые не дают им эволюционного простора.

Зато в ранних государствах направленность на изменение традиций становится более определенной и систематической. Естественно, такой отход облегчается, в

---

⁷⁰ Вот прямое подтверждение этой мысли историком: «При отсутствии органов государственной власти отношения между людьми в райбунском обществе полностью регулировались традициями, главным хранителем которых являлось жречество» (Frantsuzov S. A. the Society of Raybün. P. 263).

⁷¹ «Можно даже сказать, что наличие государства следует констатировать лишь в том случае, если в данном обществе совершился переход от обычая к закону», – считает Яковсон (Яковсон В. А. Государство как социальная организация. С. 7). Бесспорно, это чрезмерно категоричное заявление, тем более для раннего государства, но все же важность отхода от традиций подмечена верно.

⁷² Ярким примером является Исландия, где альтингом (народным собранием) в 1000 году н. э. был принят закон о христианстве. Таким образом, исландцы не только добровольно изменили религию, но и оформили этот шаг законодательно. При этом были учтены интересы населения и проявлена веротерпимость, в частности, было разрешено употреблять конину (основную мясную пищу) и приносить тайно жертвы языческим богам. В Исландии также было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами). Этот раздел завершился в основном в середине XI в. (См.: Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. С. 179–186, 189–191.)

условиях, когда выполнение традиций затруднено, так как нарушилась их основа. Например, расселение людей в крупные поселения, этническое перемешивание, развитие торговли, войны, технологические перемены и прочее усиливают необходимость судебного или административного регулирования⁷³.

Но, разумеется, в каждом обществе такой отход от традиций происходил только в отдельных направлениях, неполно, встречая сопротивление, оппозицию и заговоры, часто с откатами, возвратами и переворотами.

Стоит отметить, что чем сильнее разрыв с традицией, тем больше проблем и ответственности на власти, поскольку многие вещи, которые прежде решались внутри семьи, общины или небольшой области, становятся частью государственного регулирования. Соответственно **увеличение проблем и забот ведет к росту потребностей государства**. А это, в свою очередь, является источником новых изменений, например, регулирования порядка получения дани и налогов, введения законов и норм.

По мере развития раннего государства верховная власть начинает постепенно заменять и подменять традиции, во многих случаях реализация ее воли идет уже через систему установлений, органов, политиков и администраторов. Но, конечно, никогда разрыв с традицией не бывает тотальным.

С изменением традиций тесно связано и реформирование. Ведь реформы часто являются именно отходом от каких-то важных традиций. В ранней истории (или в преданиях) очень многих обществ можно найти упоминания о деятельности того или иного великого реформатора. История любого раннего государства дает нам примеры тех или иных реформ, связанных с отходом от традиций. Даже в Индии, где власть стремилась избегать крутых разрывов с традиционными основами, таких примеров немало. Достаточно ярким является поддержка индийским царем Ашокой буддизма, хотя и не ставшего государственной религией, но

---

⁷³ Я уже не говорю про завоевания, а ведь завоевание – это в чистом виде разрыв с традицией.

сильно укрепившегося при нем. А ведь это было в обществе, имевшем веротерпимость, где правители обычно не вмешивались в религиозные дела. Ашока передал столь огромные дары буддийским храмам и общинам, что опустошил государственную казну. И это (согласно традиционной версии, очевидно, отражающей истинные события) привело к заговору со стороны сановников и наследника, фактически отстранивших Ашоку от управления⁷⁴.

Реформирование может происходить в виде сохранения внешней оболочки традиции (что порой уменьшает сопротивление переменам); иногда даже в виде кажущегося возврата к «добрым старым», но неправомерно нарушаемым обычаям; а также путем резкого изменения. Например, как это было в Междуречье в конце III тыс. до н. э. при саргонидях, которые «во всем – в титулатуре, в обычаях, в художественных вкусах – порвали с традициями раннединастической поры»⁷⁵ и провели разнообразные реформы в управлении, войске, землепользовании.

В целом в **ранних государствах усиливается способность власти к реформированию**. Оно является уже не только результатом неожиданных поворотов событий, но и все более важным способом решения тех или иных проблем верховной властью. Но реформы все же были редким делом (хотя существовали и отдельные периоды довольно активного реформирования). Промежуточное место между реформами и застоєм занимали **регулируемые изменения, связанные с деятельностью верховной власти**. И вот в этом плане раннее государство особенно заметно отличается от аналогов, поскольку в нем этот процесс становится существенно более упорядоченным. Например, в Афинах народное собрание собиралось ежемесячно, а с IV века до н. э. четыре раза в месяц, то есть еженедельно⁷⁶. И ведь оно должно было что-то решать, а значит, помимо рутинных проблем, обсуждалось и много изменений. Сравните эту

---

⁷⁴ См.: Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. С. 71–74.

⁷⁵ История Востока. Т. 1. С. 59.

⁷⁶ Кучма В. В. Государство и право древнего мира. С. 113.

упорядоченность, например с Исландией, и различия между ранним государством и его аналогом станут очевидными⁷⁷.

5. 4. Рост значения принуждения

Как уже сказано, развитой и формализованный аппарат принуждения необязателен для ранних государств. Но что, несомненно, можно увидеть в них – это рост роли принудительных методов управления со стороны верховной власти. Многие исследователи считают «важнейшим конститутивным признаком государства, отличающим его от вождества», «наличие инструментов насилия»⁷⁸. Принуждение достигалось разными способами как традиционными, так и новыми, как прямыми, так и косвенными. Стоит отметить рост роли судов и введение особых законов, слежку за населением, институт особых соглядатаев и доносчиков⁷⁹, увеличение прав у наместников, усиление наказаний за неисполнение повинностей, прямые репрессии, особенно на покоренных территориях, где армия неизбежно выступала как аппарат принуждения и насилия над завоеванными.

Этим ранние государства отличались от ряда демократических аналогов вроде древнеисландского, где такое насилие на общеполитическом уровне отсутствовало или было весьма слабым. А большей самостоятельностью верховной власти в свободе применения наказаний и репрес-

---

⁷⁷ Здесь происходит противоположное движение. В период коренных изменений в Исландии (конец X – первая треть XI веков) политическая жизнь была наполнена борьбой и противостоянием сторонников и противников Норвегии, приверженцев старой и новой религии, что и получило отражение в сагах. Казалось бы, после победы народовластия политическая жизнь должна стать более регулярной, систематической, охватывающей все новые области жизни. Однако напротив, в следующем столетии, с 1030 по 1130 год, она замирает, и об этом периоде мало рассказывается в сагах. «Общество, состоящее из зажиточных бондов-«средняков», было миролюбивым и единообразным, в нем происходило мало крупных событий» (Ольгейрссон Э. Ук. соч. С. 191). Напротив, жизнь народовластных Афин все более политизировалась, а органы управления и суда становились разветвленнее.

⁷⁸ Годинер Э. С. Ук. соч. С. 68.

⁷⁹ Например, согласно уже упоминавшейся «Артхашастре» в Индии в IV в. до н. э. в числе основных проводников политики царя были многочисленные «гайные люди» и соглядатаи (см.: Lelioukhine D. N. State and Administration ... P. 272).

сий государство отличается от аналогов с племенной (клановой) структурой и слабым центром, где какие-то карательные акции против нарушителей обязательств перед центром могли осуществляться только с согласия большинства кланов.

Другой важный момент связан с изменениями в войске. Государственные реформы едва ли не в половине случаев в той или иной степени касаются именно армии. И это не удивительно, поскольку военная сфера более всего и требует вмешательства государства. *Этим раннее государство отличается от составного вожинства или другого аналога, где изменить традиции в военном деле крайне сложно.*

Хотя было немало ранних государств с нерегулярной армией, но и в этих случаях мы, скорее всего, найдем, что новые формы регулирования жизни заметно коснулись и ее. Это могло выразиться в особом порядке формирования частей и назначении командиров, в укреплении дисциплины, в унификации вооружения, и регулярности военных сборов для обучения воинов и многом другом. Кроме того, принудительный характер призыва на войну и жестокие наказания за уклонение, вплоть до смертной казни или продажи в рабство, более характерны для ранних государств, чем для аналогов, во многих из которых участие в военных походах было добровольным делом, даже у воинственных ирокезов⁸⁰.

5. 5. Наиболее важные направления изменений

В каждом раннем государстве изменения в традиционных отношениях, формах регулирования и институтах идут лишь в отдельных моментах, которые определяются конкретными обстоятельствами, расстановкой сил, историческим опытом и т. п. Если говорить о наиболее важных направлениях изменений, то они таковы:

---

⁸⁰ См.: Фентон У. Н. Ирокезы в истории. С. 127.

а) изменение и расширение властных полномочий, включая изменение титулатуры⁸¹ и церемониала; изменения в порядке передачи власти, в государственном устройстве и внутри управленческого и военного аппарата; введение или упразднение должностей и органов; изменение порядка назначения и смещения должностных лиц разных уровней;

б) изменение статуса, прав и обязанностей как отдельных людей⁸², так и групп и всего населения⁸³. Это касается и введения (отмены) налогов. Введение новых почетных званий, титулов и рангов;

в) изменение ритуала, моральных и религиозных норм, отмена различных обычаев и введение новых установлений.

Наконец, нужно сказать об изменении **территориального устройства**. Как мы уже отмечали во второй части, даже в аналогах раннего государства наблюдается порой изменение территориального деления, что вызывается ростом этносов и политий, сложностью поддержания единства и необходимостью согласовывать время от времени действия. Появляющиеся единицы (типа сотен у германских племенных союзов), нужные, скажем, для отнесения к ведению того или иного суда, для организации выборов представителей на общие собрания, для поставки воинов и выполнения повинностей, потом могут стать уже и естественными территориально-структурными единицами, отесняя родовые и общинные.

Однако в раннем государстве по сравнению с аналогами возникают более сильные стимулы для изменения территориального устройства. Но систематичности в этих изменениях обычно не наблюдалось. Чаще было смешанное тер-

---

⁸¹ Например, царь Аккада Саргон Древний «окончательно отбросил все старые традиционные титулы и стал называть себя «царем четырех стран света» (История Востока. Т. 1. С. 61).

⁸² Например, во многих африканских государствах царь мог изменить социальное положение человека (Токарев С. А., Кобищанов Ю. М. Община в Африке. С. 257).

⁸³ В том числе ограничение права населения на применение насилия, особенно запрет кровной мести и подобных обычаев.

риториальное устройство, где наряду со старыми делениями появлялись и новые, созданные под воздействием верховной власти⁸⁴. Система могла длительное время усложняться и запутываться, пока в какой-нибудь период не происходило более рационального территориального деления.

Как уже говорилось, заметные сдвиги в разрушении родовых основ организации населения происходили далеко не везде. Но даже там, где территориальный принцип в целом приживался медленно, все же некоторые важные изменения в этом плане имелись, в частности, в появлении населенных пунктов (или кварталов) нового типа, системе расположения крепостей и опорных пунктов, обеспечивающих господство центра над местностью, особом развитии столицы или ее центра и т. п.⁸⁵.

6. Редистрибуция власти

6. 1. Понятие редистрибуции власти

Как уже сказано, ранние государства обычно образовывались в результате существенных перемен в устоявшихся социально-политических отношениях в обществе. Но и в аналогах время от времени происходили своего рода **колебания и перемещения власти** от народа к элите и наоборот, от одних групп к другим, от знати к вождю и наоборот и т. п. Иногда в результате этих пертурбаций центр усиливался и возникало крупное вождество. Однако если это центростремительное движение было недостаточно устойчивым, чтобы закрепиться, жизнь выросшей политики оказывалась недолгой. Такие непрочные образования, как славянское «государство» Само, германский племенной союз Маробода, гуннская «держава» Атиллы и прочие, обычно распада-

---

⁸⁴ Например, в Бенине правитель мог создавать новые вождества – «чифдомы насажденные» – помимо тех, что образовались самостоятельно – «чифдомы выросшие» (см.: Бондаренко Д. М. Бенин. С. 183–189).

⁸⁵ Пространственная интеграция (то есть такое расположение важных населенных пунктов и городов, которое показывает определенную иерархию как общества, так местностей в структуре общества. – *Л. Г.*) считается признаком начального процесса образования государства (См.: Lozny L. The Transition to statehood in Central Europe. P. 90).

лись после смерти вождя (а иногда и при его жизни). Иной раз в аналогах и вовсе шло ослабление верховной власти, особенно если там имелась сильная и своевольная знать⁸⁶.

В других случаях, мелкие политии объединялись в более устойчивые образования: конфедерации, слабоцентрализованные теократии или монархические политии сегментарного типа. Однако во всех этих случаях отсутствовала направленность на усиление верховной власти, на развитие новых принципов управления и форм регулирования, о которых мы вели речь.

Зато в раннем государстве возникают тенденции на *усиление роли верховной власти и центра в распределении власти, на образование как бы силового ядра власти, влияние которого на общество становится все более заметным, а постепенно в чем-то и определяющим*. Эти центростремительные процессы я назвал **редистрибуцией власти** (объяснение аналогии с редистрибуцией благ см. дальше). Власть в данном случае нужно рассматривать не в каком-то чистом, нематериальном виде, а как систему властных функций, прав, обязанностей, распоряжений, действий и связанных с этим разнообразных людских и материальных ресурсов и информации.

Редистрибуция власти – это еще не централизация государства в полном виде, но это процесс движения к централизации, а вместе с этим к большей упорядоченности и регулярности в отношениях между властями всех уровней, рангов и линий; а также между населением и властью в целом. Редистрибуция власти связана и с некоторой унификацией отношений и норм в рамках державы. Она сильно влияет на развитие этнических, культурных, религиозных и других процессов. Все больше дел и проблем

---

⁸⁶ Так, комментируя положение власти у эдуев, наиболее могущественного народа у галлов времен Цезаря, Франсуаза Леру пишет: «Ясно виден процесс деградации. Сперва была максимально сокращена компетенция царской власти, затем, из опасения, что она останется все еще слишком широкой, статус царя был попросту и окончательно упразднен и заменен двумя магистратами, назначаемыми ежегодно, как римские консулы, с той только разницей, что они не обладали никакой реальной властью» (Леру Ф. Друиды. С. 124).

совершается и решается под эгидой и заметным контролем верховной власти (в отличие от аналогов). А в результате ее роль в управлении обществом имеет тенденцию к увеличению. Вследствие этого раннее государство гораздо быстрее, чем аналоги, начинает менять отношения внутри общества.

Таким образом, **редистрибуция власти – это процесс поддержания (и при возможности изменения) системы распределения власти между центром и периферией, который позволяет верховной власти не только контролировать периферию, но и переориентировать потоки властных функций и действий на центр, где значительная часть власти (а также и материальных ресурсов) задерживается. Соответственно идет процесс накопления в центре такого узла власти, который все сильнее влияет на общество, все сильнее стремится к аккумуляции дополнительной власти, ресурсов и информации**⁸⁷.

Но поскольку раннее государство – это во многом переходное образование, постольку и редистрибуцию власти можно рассматривать как переход от согласительной к принудительной власти. Естественно, что многое во взаимоотношениях центра и периферии еще не устоялось, не имеет развитых форм и сложившегося порядка. А раз политический порядок еще не отлажен, то удержание перераспределенной власти требует больших усилий от правительства, нередко уступок и «бонапартизма», то есть способности опираться на разные слои и общественные силы.

Сам по себе титул не гарантирует правителю власти, поэтому он должен заключать постоянные союзы, разыгрывать те или иные комбинации, чтобы сохранить статус-кво, а при возможности и увеличить свою власть. И по-

---

⁸⁷ Зримо это может выражаться, например, в росте размеров и значения столицы, а также в особом положении столичных знати и чиновников. «...Достаточно сравнить гробницы верхнеегипетских областеначальников (времен Старого царства. – *Л. Г.*), высеченные в скалах, небольшие и нередко скудно отделанные, с громадными, сложенными из тесаных камней и испещренными резьбой, гробницами столичных вельмож, чтобы убедиться в различии общественного положения» (Перепелкин Ю. Я. История Древнего Египта. С. 191–192).

скольку ни государственные институты, ни политические и административные границы еще не устоялись, в истории таких обществ можно видеть резкие колебания, связанные то с возвышением правителя, династии и резким территориальным расширением державы, то с их упадком⁸⁸. Порой правитель связан по рукам и ногам родней, советниками, аристократией, обычаями, то вдруг иной превращается в тирана и палача. «Противоречие между двумя течениями, безудержным и вводящим ограничения – это, впрочем, общий признак архаического времени», – очень верно подмечает Гельмут Берве⁸⁹.

6. 2. Редистрибуция благ и редистрибуция власти

Теперь есть смысл дополнительно пояснить название предложенного мной термина. Как я уже говорил, понятие редистрибуции (благ) было введено в 50–60-е годы для характеристики распределительных отношений в некоторых догосударственных и раннегосударственных обществах. В них были выявлены процессы, когда более или менее равнозначный дарообмен и обмен услугами (реципрокация) между членами общества, а также между руководителями и общинниками стал заменяться неравноправным (асимметричным) дарообменом и обменом услугами. При этом потоки благ стали проходить через заметные фигуры (вождей и других руководителей), которые оказались в выгодном положении. Они смогли сосредоточить в своих руках материальные ресурсы и право ими распоряжаться. Это и дало в ряде случаев толчок для усиления их политической власти. Но для удержания контроля над потоками и / или производством благ (и тем более для расширения их объема) этим руководителям приходилось прикладывать много усилий, конкурировать между собой и вступать в прямую борьбу.

---

⁸⁸ Например, всего за 30 лет во второй половине XV в. площадь государства Инков увеличилась в тысячу раз (см.: Haviland W. A. Anthropology. P. 245).

⁸⁹ Берве Г. Тираны Греции. С. 19.

Редистрибуция очень часто сохраняла внешнюю видимость добровольности и равнозначности обмена между населением и руководителями. Она приобретает бóльший размах и бóльшую зрелость в ранних государствах и их аналогах, затем постепенно и далеко не сразу сменяясь налогами⁹⁰.

Разумеется, сравнение власти с материальными благами не всегда корректно. Но я остановился на слове «редистрибуция» не только из-за его известности, но особенно потому, что аналогия между благами и властью многое объясняет в характеристике ранних государств и их специфике, а кроме того, имеет существенные основания для своего применения.

Во-первых, редистрибуция благ и редистрибуция власти – тесно связанные явления, поскольку никакая власть не может обходиться без материальных средств и любая власть одной из главных целей ставит аккумуляцию этих ресурсов. Во-вторых, власть имущественная и политическая имеют родственные черты. В-третьих, власть вполне правомерно рассматривать как благо, которое должно регулярно воспроизводиться и потребляться (ведь если власть не используется, она имеет тенденцию к сокращению). А с появлением такого качества власти, как делимость (о чем выше шла речь), существенно возрастает возможность перераспределять ее и накапливать.

Исходя из сказанного, должно быть понятно, что:

1. Перераспределение власти в раннем государстве имеет еще частично традиционный характер, поскольку верховная власть нередко старается придать этому процессу вид договоренностей, согласований и прочего. Но на практике влияние центра стремится к увеличению.

---

⁹⁰ Под редистрибуцией теоретики раннего государства понимают такое явление, когда значительная часть распределяемых благ и трудовых услуг поступает в центр управления раннего государства для материального обеспечения правителя и распределяется затем центром для различных нужд (обороны, строительства, в пользу храмов, для поддержания дорог и т. п.). (См.: Claessen H. J. M. and van de Velde P. Early state economics. P. 9.)

2. Этот процесс носит нерегулярный и колебательный характер. И так же, как редистрибуция благ не имеет еще постоянного, систематического и строго контролируемого порядка, каковыми качествами начинают обладать налоги, так и редистрибуция власти не означает свободной ее циркуляции, для того чтобы властная воля не имела препятствий для доведения ее до всех, к кому она обращена, и для контроля за тем, чтобы она реализовалась.

3. Редистрибуция – это всегда реципрокация, но только асимметричная. А реципрокация нуждается в постоянном поддержании баланса. Поэтому в раннем государстве от верховной власти требуется много усилий для поддержания баланса власти. Иной раз редистрибуция благ ведет к перенапряжению общества и разладу в распределительной системе. Резкий рост полномочий центра также может вести к кризисам. Недаром вожди, превратившиеся в деспотов, вроде зулусского Чаки, убиваются, слабые преемники тирана свергаются, возникают страшные раздоры после создателя державы и т. п.

4. Подобно вождям, которые стараются не только сохранить объем перераспределенных благ, но и ищут возможности увеличить его, государственная власть также ищет возможности, не теряя достигнутого, сократить собственные обязанности и увеличить права, и, напротив, увеличить обязанности нижестоящих властей и населения и сократить их права.

5. Так же, как между вождями, шла конкуренция и борьба за источники богатства и подданных (при этом те из них, кто не мог удержать последних под своим влиянием, теряли авторитет и силу), так и в ранних государствах идет борьба за влияние на окраины, за то, кто именно будет тем центром, который их объединит и удержит; и так же те центры, которые не могли удержать периферию, теряли свое значение и слабели.

6. Так же, как редистрибуция означает не просто изъятие, но перераспределение через центр, так и редистрибуция власти означает, что власть не всегда возвращается к

тем, у кого она ушла в центр, но центр может передать ее другим.

6. 3. Редистрибуция власти и распад государств

Укрепление позиций и возможностей верховной власти не исключает колебаний и временного ослабления центра, попыток вернуть самостоятельность, разлада во властной редистрибутивной системе. Напротив, это вполне типично. Именно эти проблемы и создают источник новых решений. Нередко также в результате внутренней борьбы центр державы может переместиться на окраину, как это неоднократно бывало в истории, когда прежде слабый и провинциальный город становился новой столицей, либо когда покоренный народ превращался в господствующий (как это было, например, с Мидией, ставшей в VI веке до н. э. частью Персии во главе с великим Киром).

Все это говорит о том, что следует иметь в виду не только процессы в отдельном государстве, но и эволюцию государственности в целом, поскольку для последней регресс в одних обществах обеспечивает прогресс в других⁹¹. Жизнь сильнее организмов, говорил Тейяр де Шарден, а в данном случае государственность как форма существования обществ становится сильнее конкретных государств. Поиск более удачных решений в ранних государствах часто осуществлялся путем разрушения старого и создания на его месте нового. В результате процесс редистрибуции власти обновлялся и приобретал более четкие черты.

Этот момент важен при обсуждении проблемы устойчивости ранних государств к децентрализации. Коэн тенденцию к распаду рассматривает как качественно менее свойственную государственным структурам, в то время как регулярный распад догосударственных образований он (как

---

⁹¹ «Распад и смена одних «имперских» образований другими в XIX в., перемещение «имперских» политических центров были проявлением поступательного развития ранней африканской государственности...» (Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. С. 270).

и Карнейро) считает важной характеристикой последних⁹². Но способность не распадаться (как и не быть завоеванным) – черта как бы идеального государства. Близкими к этому были лишь немногие державы древности и средневековья. Поэтому важно подчеркнуть, что и *сами распады во многих ранних крупных государствах имели существенно отличные черты от распада догосударственных и негосударственных образований.*

1. Бóльшая длительность объединенного состояния по сравнению с догосударственными образованиями и аналогами. Цикл устойчивого существования таких государств составлял многие десятки и даже сотни лет.

2. Стремление распавшихся территорий к новому объединению, память о единстве.

3. Частое появление конкурирующих между собой центров объединения, что в целом усиливает возможности объединения.

4. Распадение нередко способствует развитию более сильной государственности на местах, поскольку происходит как бы ее спускание на местный уровень (появление местной администрации, столицы и прочего).

5. Децентрализация часто имеет место при переходе от раннего государства к сформировавшемуся. Таким, по моему мнению, был, например, распад Египта в конце III тыс. до н. э. (период между Старым и Средним царствами).

6. 4. Направления редистрибуции власти

Характер и конкретная направленность редистрибуции власти очень сильно зависит от конкретных условий: объема, населенности и этнического состава государства; внешнего окружения; природных условий, облегчающих или затрудняющих централизацию; исторических традиций и т. п. В крупных монархиях может иметь место конфронтация между царем и местной аристократической властью. В небольших или средних по размеру обществах иной раз

---

⁹² Cohen R. Evolution, fission and earle state. P. 87–88.

позиции аристократии ослабевают, а демоса или «буржуазии» (как в некоторых средневековых торговых республиках) усиливаются. Эти изменения могут закрепляться в законах и даже в особой писаной или неписаной конституции. В результате роль традиционного и корпоративного самоуправления ослабевает, а роль государственных и правовых рычагов усиливается.

Характер редистрибуции власти меняется и в связи с развитием самого государства. В начальных фазах часто идет борьба за то, кто будет главным центром власти. Поэтому победителю необходимо сделать власть достаточно реальной и уменьшить опеку, помехи со стороны иных источников власти. Характерным является пример так называемых лугалей-гегемонов в Междуречье, с середины III тыс. постепенно оттеснивших военных и культовых вождей (лугалей, энами и энси). Лугали-гегемоны опирались на своих личных приверженцев и дружину, которая зависела от них и порой позволяла им завоевывать небольшие соседние полities. Чтобы приобрести независимость от местных органов самоуправления, они стали прибираться к рукам храмы и соответственно храмовые земли, либо женись на верховных жрицах, либо заставляя совет избирать себя сразу и военачальником, и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям⁹³.

На этапе типичного раннего государства самым главным может быть – закрепить доминирование центра, не дать державе распасться, суметь аккумулировать в руках верховной власти основные военные и материальные ресурсы, приобрести новые земли. На этапе переходного раннего государства верховная власть может пытаться перестроить всю систему управления, заменить местных правителей на своих назначенцев, ввести какую-то унификацию в административные отношения и т. п. Но нередко

---

⁹³ История Востока. С. 51.

именно на этом этапе начинается ослабление верховной власти, поскольку выявляются слабости и пороки политической системы, дают себя знать прежние ошибки и т. п.

В зависимости от конкретных обстоятельств и проблем редистрибуция власти касается самых разных вещей. В первую очередь, конечно, центр волнует возможность аккумуляции военной силы в нужное время, а затем и полный контроль над войском всей страны. Но верховная власть не менее озабочена проблемой лояльности родовых начальников, эффективным контролем над сбором налогов и выполнением повинностей. Она стремится ограничить права местных правителей (вершить суд по определенным делам, вводить свои налоги и т. п.) и даже полностью заменить их на своих заместителей.

Важнейшим нервом редистрибуции порой становится борьба вокруг порядка передачи престола, а также сужения или расширения контингента, обладающего какими-то политическими правами (вроде голосования), или из которого черпаются функционеры; дарование или отбирание привилегий. Где-то редистрибуция видна только в отдельных моментах, но нередко территория оказывается «под **многосторонним** воздействием ранней государственности»⁹⁴, поскольку масса проблем в государстве взаимосвязанна и некоторые изменения имеют как бы сцепленный характер, то есть влекут за собой массу иных.

Редистрибуция власти, конечно, меняет положение населения (иногда в худшую, а иногда в лучшую сторону). Но, прежде всего, она направлена на тех, у кого концентрируется власть, то есть на знатных и богатых, а также на корпорации разного рода. Параллельно с этим может идти расширение прав и привилегий новой элиты, на которую верховная власть пытается опереться, но с которой в будущем она, в свою очередь, может начать борьбу. Поэтому-то далеко не всегда раннее государство предстает (вопреки

---

⁹⁴ Так Кочакова характеризует влияние некоторых африканских империй на всю территорию Бенинского залива (Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. С. 270).

марксизму) как орган классового господства. Напротив, оно может оказаться враждебным знати, как при демократии, так и при монархии. Только существенно позже, когда социальная и политическая сферы притираются, социальная направленность государственной власти становится более ясной и определенной.

* * *

Есть смысл кратко подвести итоги.

1. Раннее государство – это особая политическая организация общества, которая достигла определенного уровня развития, и, в частности, имеет минимально необходимый уровень сложности, объем прибавочного продукта и богатства, размер территории, численности населения. От политической догосударственной стадии раннее государство в первую очередь и отличается размером и уровнем сложности общества, в котором оно формируется. Ибо для социумов меньшего объема и сложности такая политическая форма просто не требуется.

2. От обществ раннегосударственной стадии политогенеза – аналогов раннего государства – раннее государство отличается достаточной силой и некоторыми особенностями верховной власти; все большей ролью новых принципов управления и новых форм регулирования жизни. Верховная власть способна контролировать общество, используя эти принципы управления и формы регулирования, а также путем редистрибуции власти с периферии в центр.

Таким образом, мной предложены достаточно четкие критерии, отличающие раннее государство от аналогов:

1. Особые свойства верховной власти.
2. Новые принципы управления.
3. Нетрадиционные и новые формы регулирования.
4. Редистрибуция власти.

Предложенная методика позволяет наметить решения важных для политической антропологии задач:

– найти отличия раннего государства от догосударственных политий;

– показать специфику раннего государства от его аналогов в рамках раннегогосударственной стадии политогенеза.

Продуктивность указанных признаков еще и в том, что с их помощью легче обозначить стадийные различия между ранним и сформировавшимся государством. С одной стороны, мои критерии не сводимы к триаде, но с другой – признаки триады в них угадываются. Однако в раннем государстве они еще неразвиты и не составляют полной системы, сосуществуют с иными характеристиками, которые позднее теряют свое значение. То же касается и централизации, которая более свойственна сформировавшимся государствам, но не всегда прослеживается в достаточной мере в ранних. Предложенные мной признаки учитывают недостаточную степень централизации в ранних государствах, но в то же время показывают процессы формирования центра и механизмов его контроля над периферией, которые в дальнейшем приводят к настоящей централизации.

Наконец, последнее важное замечание. В этом разделе я очень много внимания уделил именно верховной (центральной) власти и методам ее укрепления. Разумеется, раннее государство нельзя редуцировать только к его центру и верховной власти. Там происходит много иных процессов. Но невозможно и отрицать, что именно в результате взаимодействия центра и периферии в одних случаях или в результате борьбы конкурирующих между собой центров за верховенство – в других и создается новая структура общества, постепенно ведущая к тому, чтобы общество стало государственным.

ЛИТЕРАТУРА

Берве Г. Тираны Греции / Пер. с нем. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Бокшанин А. А. Зарождение административно-управленческого аппарата в Древнем Китае // Государство в истории общества (С. 204–224).

Бокщанин А. А. Сложение государственно-административных институтов в Китае (эпоха Шан-Инь, XVI – середина XI в. до н. э.) // Государство в истории общества (С. 225–249).

Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. – М.: Наука, 1973.

Бондаренко Д. М. Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть. – М.: Институт Африки РАН, 1995.

Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов. – М.: Институт Африки РАН и др., 2001.

Бондаренко Д. М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000 (С. 198–206).

Бочаров К. И. Очерки истории военного искусства. Т. 1. Древний мир. – М.: Госвоениздат, 1936.

Вебер М. Город / Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем.– М., 1994 (С. 309–446).

Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М.: Наука, 1991 (С. 51–78).

Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). – М.: Биоинформсервис, 1998.

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). Часть 1 // Философия и общество. – № 4. – 2001 (С. 5–60).

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). Часть 2 // Философия и общество. – № 2. – 2002 (С. 5–74).

Дьяконова Е. М. Древняя Япония // История древнего мира / Под ред. И. Н. Дьяконова и др.: В 3 кн. – Кн. 3. Упадок древних обществ. Изд. 3-е.

Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. – Л.: Соцэргиз, 1936.

Коротаев А. В. От государства к вождеству? От вождества к племени? (некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // Попов В. А. (сост. и отв. ред.). Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. – СПб.: МАЭ РАН, 2000 (С. 224–302).

Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). – М.: Институт Африки РАН, 1999.

Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). – М.: Наука, 1986.

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988.

Кучма В. В. Государство и право древнего мира. Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран. – Волгоград, 1998.

История Востока: В 6 т. Т. 1: Восток в древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Леру Ф. Друзиды / Пер. с фр. – СПб.: Евразия, 2000.

Лелюхин Д. Н. Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства // Государство в истории общества (С. 8–143).

Лозный Л. Переход к государственности в Центральной Европе / Пер. с англ. // Крадин Н. Н., Лынша В. А. (ред.). Альтернативные пути к ранней государственности. – Владивосток: Дальнаука, 1995 (С. 105–116).

Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к

цивилизации / Пер. с англ. – Л.: Изд-во института народов Севера, 1934.

Налоги // Под ред. Д. Г. Черника. – М.: Финансы и статистика, 1995.

Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии / Пер. с исландского.– М.: ИЛ, 1957.

Перепелкин Ю. Я. История Древнего Египта. – СПб.: Журнал «Нева», Летний сад, 2001.

Разин Е. А. История военного искусства: В 3 т. Т.1. – М.: Полигон, 1994.

Риттер Э. А. Чака Зулу. Возвышение зулусской империи / Пер. с англ. – М.: Наука, 1968.

Самозванцев А. М. Социально-правовая организация индийского общества в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. // Государство в истории общества (С. 250–281).

Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.

Токарев С. А., Кобищанов Ю. М. (ред.). Община в Африке: проблемы типологии. – М.: Наука, 1978.

Фентон У. Н. Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы / Сокр. пер. с англ.– М.: Прогресс, 1978 (С.109–156).

Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. – № 2. – 1989 (С. 76–94).

Якобсон В. А. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. – № 1. – 1997 (С. 5–15).

Adams R. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico. – Chicago: Aldine, 1978.

Beliaev D. D. Classic Lowland Maya (AD 250–900) // Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. Civilizational Models of Politogenesis (P. 128–154).

Berent M. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community // Kradin N. N. *et al.* Alternatives of Social Evolution (P. 225–241).

Berent M. Greece (11th- 4th centuries BC) // Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. *Civilizational Models of Politogenesis* (P. 228–251).

Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. – Moscow: IAF RAN, 2000.

Chase-Dunn C. and Hall T. D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. – Boulder, CO: Westview Press, 1997.

Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural Approach // Claessen H. J. M. and Skalnik P. *The Early State* (P. 533–596).

Claessen H. J. M. and Skalnik P. (eds.). *The Early State*. – The Hague: Mouton, 1978.

Claessen H. J. M. and Skalnik P. *Limits: Beginning and End of the Early State* // Claessen H. J. M. and Skalnik P. *The Early State* (P. 619–636).

Claessen H. J. M. and Skalnik P. (eds.). *The Study of the State*. – The Hague: Mouton, 1981.

Claessen H. J. M. and van de Velde P. (eds.). *Early state economics*. – New Brunswick, N. J.: Transaction, 1991.

Claessen H. J. M. and Oosten J. G. (eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. – Leiden: Brill, 1996.

Cohen R. Introduction // Cohen R. and Service E. R. (eds.). *Origins of the state*. – Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1978 (P. 1–20).

Cohen R. Evolution, fission and earle state // Claessen H. J. M. and Skalnik P. *The Study of the State* (P. 96–112).

Crone P. *Pre-Industrial Societies*. – Oxford UK – Cambridge MA USA, 1989.

Crumley C. L. *Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity*// Haas J. *From Leaders to Rulers* (P. 19–33).

Diamond J. *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. – New York, London: W. W. Norton & Company, 1999.

Dozdev D. V. Rome (8th - 2th centuries BC) // Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. *Civilizational Models of Politogenesis* (P. 157–174).

Earle T. K. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1997.

Earle T. K. Hawaiian Islands (AD 800–1824) // Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. Civilizational Models of Politogenesis (P. 73–86).

Ember C. R. and Ember M. Anthropology. 9th ed. – Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, Inc., 1999.

Frantsuzov S. A. the Society of Raybūn // Kradin N. N. *et al.* Alternatives of Social Evolution (P. 258–265).

Haas J. Nonlinear Paths of Political Centralization // Haas J. From Leaders to Rulers (P. 235–243).

Haas J. (ed.) From Leaders to Rulers. – New York etc: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001.

Haviland W. A. Anthropology. 6th ed. – Fort Worth, Chicago and other: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1991.

Janssen J. J. The Earle State in Ancient Egypt // Claessen H. J. M. and Skalník P. The Early State (P. 213–234).

Kradin N. N., Korotayev A. V., Bondarenko D. M., de Munck V., and Wason P. K. (eds.). Alternatives of Social Evolution. – Vladivostok: FEB RAS, 2000.

Kradin N. N. and Lynsha V. A. (eds.). Alternative Pathways to Early State. – Vladivostok: Dal'nauka, 1995.

Korotayev A. V., Kradin N. N., de Munck V., Lynsha V. A. Alternatives of Social Evolution: introductory notes // Kradin N. N. *et al.* Alternatives of Social Evolution (P. 12–51).

Lelioukhine D. N. State and Administration in Kautilya's "Arthashastra" // Kradin N. N. *et al.* Alternatives of Social Evolution (P. 266–272).

Lozny L. The Transition to statehood in Central Europe // Kradin N. N. and Lynsha V. A. Alternative Pathways... (P. 84–92).

Mair L. Primitive Government. – Middlesex, Eng. – Baltimore USA – Ringwood Aust.: Penguin Books, 1966.

Patterson T. C. Gender, class and state formation in ancient Japan // Kradin N. N. and Lynsha V. A. *Alternative Pathways...* (P. 128–135)

Schaedel R. The temporal variants of proto-state societies // Kradin N. N. and Lynsha V. A. *Alternative Pathways...* (P. 47–53).

Skalník P. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana // Claessen H. J. M. and Oosten J. G. *Ideology...* (P. 84–98).

Service E. R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution.* – New York: Norton, 1975.

Southall A. On the Emergence of States // Kradin N. N. *et al.* *Alternatives of Social Evolution* (P. 150–153).

Spenser C. S. The Political Economy of Pristine State Formation // Kradin N. N. *et al.* *Alternatives of Social Evolution* (P. 154–165).

Wason P. K. Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology // Kradin N. N. and Lynsha V. A. *Alternative Pathways...* (P. 19–27).

Wittfogel K. A. *Oriental Despotism.* – New Haven: Yale University Press, 1957.

Wright H. T. Recent research on the Origin of the State // *Annual Review of Anthropology*, Vol. 6 – 1977 (P. 379–397).